

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК XX И МИР

■ XX CENTURY AND PEACE ■ ■ EL SIGLO XX Y LA PAZ ■ ■ LE XXe SIECLE ET LA PAIX ■

В НОМЕРЕ:

ИМПЕРАТИВ ВРЕМЕНИ

Теоретики обсуждают проекты регионального развития

ПЕРЕСТРОЙКА ИЛИ ПЕРЕПУТЬЕ?

Эссе историка Михаила Гефтера

1000 ЛЕТ ХРИСТИАНСТВА НА РУСИ

«Круглый стол» обществоведов и богословов

ISSN 0320 8001

7/88

Б
Ручей 88

В НОМЕРЕ:

Почта

«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»

2

Наши интервью

У. МЕХИЯ. КАК ЗАВЕЩАЛ САНДИНО

14

Проблемы и суждения

В. СИРОТКИН. РЕВОЛЮЦИЯ В СОЗНАНИИ

17

Мы: страна в движении

Г. ПАВЛОВСКИЙ. ТРОЙНОЙ ПРЫЖОК

25

Эссе

М. ГЕФТЕР. ПЕРЕСТРОЙКА ИЛИ ПЕРЕПУТЬЕ?

34

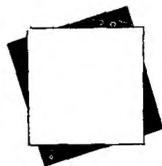
Круглый стол

ДИАЛОГ ВО БЛАГО ОТЕЧЕСТВА

40

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

*Интеграция человечества.
Размышления английского публициста об
управляемости современного мира.*

«Уважаемая редакция...»

Письма, публикуемые в этом номере, редакция получила незадолго до XIX партийной конференции. Они проникнуты гражданственной озабоченностью наших читателей судьбами процесса революционного обновления страны, личной сопричастностью к вопросам «большой» политики.

Больше дела, меньше слов!

Откроешь газету, журнал и трудно найти статью, в которой прямо или косвенно не говорилось бы об ускорении, гласности, демократизации. Но в этом множестве, повторяемости усматривается опасность

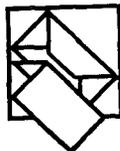
выхолащивания самой сути названных понятий. Для многих гласность явилась скорее данью моде, возможностью извлечь политический «капиталец», чем объективным подходом к делу.

Смех и страх

Демонтаж ракет — демонтаж страха. Одно без другого никак не получится. Запасов (потенциала, как мы теперь выражаемся) страха хватает, чтобы помереть от него много-много раз, как и от потенциала ядерного. Избавиться от него тоже, видно, не проще, чем от проклятых боеголовки. Только всем миром его одолеем.

Об этом — фильм, который придумали карикатуристы Америки и России. Скоро мы его увидим. Должно быть, посмеемся (мультишка же). Наг

Минуло три года после апрельского (1985) Пленума ЦК КПСС. Перемен в советской прессе к лучшему уже никто не может отрицать. Но поспеваем ли мы за требованиями времени? Думаю, что нет. И теперь немалая часть публикаций наших корреспондентов все еще несет на себе груз восхваления, показного благополучия периода застоя. Влияние это проявляется зачастую косвенно. Уже редко встретишь статью, где ударение делается главным образом на призывы, дифирамбы по поводу происходящих на глазах революционных преобразований и т. д. Будучи не в состоянии игнорировать веление времени, уже нельзя обойтись без критики, ну хотя бы в виде выражений: «Мы не смогли в полной мере», «Следует лучше использовать» и т. д. Многие корреспонденты пишут о проблемах, недостатках правдиво, открыто, без прикрас, но преодолеть барьер между описательностью и конкретным деловым анализом не могут. Можно было бы привести примеры и подлинно гражданских повествований, но объектив-

ности ради следует отметить, что их доля в общем объеме пока невелика.

В этой связи особо хотелось бы выделить материал «Баррикады перестройки» — образец гражданственности ее авторов, политической смелости и дальновидности в освещении проблем и тенденций современности. Они на деле показывают, что съездовский урок правды должен затрагивать не только прошлое страны (здесь мы сравнительно преуспели), но и самое главное — настоящее. Гражданственность публикаций на страницах вашего журнала проявляется, на мой взгляд, в остроте постановки волнующих все общество вопросов, объективно-научном подходе к ним, конкретности и наступательности. Под объективностью следует понимать показ и позитивных перемен, хотя тут же делаю оговорку, что перестройка находится только на начальном этапе, и ни в коем случае не сбиваться на болтовню и словоблудие на общие темы. Поменьше слов. Побольше трезвой оценки происходящего — так и

своими выдуманнными кошмарами. Ну, и призадумаемся, надо полагать. Народ-то в общую команду подобрался серьезный. Сами убедитесь. Вот он, их групповой автопортрет, который они подали читателям «Века» (см. стр. 4).

Слева направо стоят: наши — Наталья Озерская (ассистент режиссера), Маргарита Аграчева (сценарист), Ефим Гамбург (режиссер картины), американцы — Джерри Робинсон (художник), Пол Сэммон (сценарист), Лориен Тауэрс (голова всему, продюсер), Кирил Тауэрс (ее дочь). Сидит — автор этого автопортрета Игорь Макаров.

Высокие говорившиеся стороны (предоставившие совместному предпри-

ятию свои организаторские таланты и, что характерно, финансы) — «Лориен Тауэрс продакшнз компани» и Советский комитет защиты мира (деньги дает Советский фонд мира).

Для СКЗМ мультипликационный фильм «Стереотипы» — это первый совместный с американцами крупный проект из целой серии намеченных — не побоимся этих слов — увлекательных и многообещающих начинаний. Пожелаем нам всем успеха.

А пока — полюбуйте, вот несколько набросков Джерри и Игоря для будущего фильма (стр. 2, 4, 6, 8).

хочется сказать после прочтения публикаций журнала «Век XX и мир».

В. И. Ленин, выступая на XI съезде РКП(б), говорил, что «...гвоздь всего положения не в политике, в узком смысле слова (то, что говорится в газетах,— это трескотня политическая, и ничего социалистического здесь нет)..., не суйтесь с этим к народу, а... проверяйте практическое исполнение,— и это народ оценит... Мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает».

Выполняем ли мы сейчас это ленинское положение? Научились ли разговаривать со своим народом на чистоту, «проверять практическое исполнение»? Твердо можно ответить одно — перестройка дала нам в этом смысле исторический шанс. Но используем ли мы его в полной мере? Странно, но во многих газетах так и не введена рубрика: «Газета выступила — что сделано?» Зато в

избытке хватает повторяющегося описания неудовлетворительного положения на транспорте, сфере услуг и т. д., за которые отвечают конкретные работники. Чего здесь больше, неспособности прессы действительно на деле активно способствовать преобразованиям или зависимости ее от определенных кругов нашего общества, противодействующих перестройке? А если не хватает объективной оценки действительности, то неизбежно стремление сгладить острые углы, переходить на тон заигрывания с массами, использование «жареных» фактов, простого описания проблем. Хотя время решительно требует немедленного перехода от констатации к наступательности.

На всю страну благодаря печати прогремели дела о злоупотреблениях в Узбекистане, Казахстане и т. д., и это очень хорошо. Но почему бы прессе вплотную не заняться проблемами, с которыми трудящимся приходится сталкиваться на каждом

шагу и которые не менее вопиющи, чем те, что произошли в Узбекистане, хотя и не так броски? А ведь за состояние транспорта, жилищного строительства отвечают конкретно ряд ответственных работников в центре и на местах. Почему же нельзя их «огреть» в печати даже на местном уровне? Показательно, что В. И. Ленин одним из пунктов наказания за злоупотребления Моссовета предложил «поручить Президиуму ВЦИКа огреть президиум Моссовета выговором в печати» (т. 45, стр. 53). Что же изменилось за семьдесят лет? Злоупотреблений, проблем не стало? Или сейчас принято называть зло-

употреблениями только то, что обходится государству в миллионы и миллиарды рублей?

Еще раз подчеркну, что нельзя отрицать и объективных сдвигов в советской прессе, однако острота противоречий нашей действительности, грандиозные задачи на будущее требуют большего реализма (пусть даже сурового), большей гражданственности и наступательности в оценках. Без языка правды поднять народ на преодоление огромных завалов невозможно.

Андрей ХАРЬКОВСКИЙ,
студент университета,
г. Донецк.

Потенциал региональных движений

Читая в журнале «Век XX и мир» статью «Баррикады перестройки», я обратила внимание на обновление содержания перестройки по мере втягивания в нее новых сил. Одной из таких сил представляется мне **национально-культурные и региональные общественные движения**. Такие движения существуют во многих национальных регионах, в том числе и у нас, в Белоруссии.

Свидетельством появления новых социальных интересов является создание в 1985 году молодыми литераторами, студентами, рабочими объединения «Талака». Целью создания «Талаки» являлась помощь реставраторам. Однако впоследствии «Талака» стала уделять все больше внимания проблемам экологии в широком смысле, включая экологию культуры и развитие дружеских связей с культурными и экологическими движениями советских республик.

Результатом подобного регионального сотрудничества явился совместный поход белорусских и латышских эколого-культурных клубов по Двине в апреле—мае 1987 года против экологически непродуманного строительства Даугавпилской ГЭС. Мы

считаем, что этот поход, привлечший внимание ученых и общественности к проблемам экологии региона, в определенной мере повлиял на решение о прекращении строительства, принятое Советом Министров Латвийской ССР. На май 1988 года запланировано проведение белорусско-украинского экологического похода по Припяти, посвященного целому комплексу проблем белорусско-украинского Полесья, в том числе проблем, связанных с мелиоративными работами в бассейне Припяти.

По нашему мнению большое значение имеет учет интересов общественности как белорусских, так и украинских полесских районов. Такая постановка вопроса является характерным признаком нашего движения.

Объективность существования эколого-культурных проблем, заявляющих о себе именно в плане региональной проблематики, подтверждается активизацией национально-культурного движения в белорусских областях Польши. В г. Белостоке еще весной 1987 года прошел I съезд белорусских студентов, заявивший о

необходимости региональных культурных связей между белорусами в Польше и БССР. Получилось так, что именно польские белорусы выступили инициаторами межгосударственных культурно-национальных контактов, заявив о необходимости культурного сотрудничества с молодежными организациями БССР. Мы стремимся поддерживать эти контакты, считая необходимым создание союза самодеятельных демократических объединений как важный элемент нового политического мышления, перехода к гражданской дипломатии. Мы и наши коллеги в Польше считаем, что никакое решение экологических проблем невозможно без сотрудничества между народами в деле укрещения мира.

Налаживая наши зарубежные контакты, мы надеемся на Белорусский комитет защиты мира, от которого мы пока не получили никакой помощи: идеология времен застоя является серьезным препятствием к взаимопониманию между государственными органами и «Талакой».

Позиция ЦК комсомола Белоруссии в отношении «Талаки» двойствен-

ная. Сотрудничество и помощь на словах со стороны ЛСКСМ часто оборачиваются попыткой поставить движение под свой контроль. Идея национально-культурного возрождения встречается в штыки республиканской прессой. Многие публикации, касающиеся деятельности объединения и отдельных его членов явно выдержаны в духе небезызвестной статьи Нины Андреевой от 13 марта 1988 года и содержат необоснованные обвинения в национализме. Очевидно, не все еще работники прессы могут понять разницу между национально-культурными, региональными, миротворческими и националистическими объединениями.

Будущее перестройки зависит от максимально полного использования ее потенциала, вовлечения широких масс общественности в дело революционных преобразований нашего общества. Значительным резервом перестройки являются демократические, национально-региональные, эколого-культурные движения.

Алеся СЕМУХА,
г. Минск

Есть ли у перестройки противники?

Бюрократ — абстрактный противник перестройки — уже стал ходульным образом прессы, но конкретно бюрократа назвать по имени как-то стесняемся, и превращается он у нас в некую средневековую универсалию: вообще существует (и даже очень опасен), а в частности такого нет. И не названные из робости или деликатности, безликие бюрократы определяют судьбы перестройки на местах.

В нашем институте «баррикады перестройки» — отнюдь не метафора. Многие уже вполне определенно ответили себе на вопрос: «По какую ты сторону?» Ответы явно не однозначные...

Мы работаем на историческом факультете, готовим учителей истории — тех, от кого во многом зависит политическая культура нашего общества, а значит — будущее сегодняшних демократических начинаний. Имея непосредственное отношение к формированию нового сознания, стремимся внести в этот процесс свою лепту: обращаем внимание студентов на интересные публикации, стараемся выработать иммунитет к бездумному повторению чужих оценок, провели на факультете анкетирование об отношении к перестройке.

Но не всем в институте нравятся наши инициативы. «Перестройка» снизу вызвала раздражение и противодействие институтской номенклатуры, мечтающей удержать ее в рамках бюрократических предписаний. Вторую анкету (об отношении к Сталину) нам проводить запретили. Споры и столкновения мнений квалифицируются как «нездоровая обстановка на факультете». Перестройка, заявляет ректор Ю. В. Жуков, процесс «плановый», каждый ее шаг определяется соответствующими инструкциями. «Никакой самостоятельности!» — вторит ему секретарь парткома С. Ф. Петрушкин. «Куда-то еще

заведет нас эта демократия», — до недавнего времени не стеснялся повторять он на собраниях. Оба негодуют по поводу повышенного интереса на истфаке «к так называемым» белым пятнам истории, обвиняют партбюро факультета в стремлении противопоставить коллектив администрации.

Для пресечения «вольномыслия» на историческом факультете ректор в противоречии с курсом февральского Пленума ЦК КПСС принял решение о передаче в совет института конкурсных дел кафедры истории СССР, не посчитавшись даже с мнением трудового коллектива и парторганизации факультета, почти единодушно высказавших свое несогласие. Аналогичное «лишение прав» грозит в настоящее время и другой кафедре факультета.

Для «оздоровления» атмосферы на кафедре истории СССР был проведен через совет института 65-летний пенсионер, почти не работавший прежде в вузе, но зато служивший в «органах» еще при Берии.

Особенно негативную реакцию вызвало появление на ноябрьской и первомайской демонстрациях наших не утвержденных в инстанциях лозунгов: «Вся власть Советам!» и «Меньше бюрократии — больше демократии!». Каких только обвинений не пришлось выслушать потом от начальства...

Открытого, как мы того требовали, обсуждения нашей «выходки» администрация упорно избегает, хотя в кулуарах и кабинетах лозунги нам постоянно припоминаются. Истины ради следует сказать, что руководство института возмущает не содержание, а сам факт появления «самоистийных», не согласованных в инстанциях, лозунгов. Учитывая политическую конъюнктуру, оно воздерживается от открытых санкций, но исподтишка, готовит почву для избавления от «смутьянов»: конкурсное

дело одного из участников демонстрации затягивалось в течение месяцев, а затем распоряжением ректора было передано в совет института, члены которого судят о преподавателях истфака главным образом с подачи ректора и парткома; в отношении другого ее участника, работающего с годичным испытательным сроком, несмотря на весьма положительные оценки его работы студентами и преподавателями, был издан приказ, согласно которому по окончании учебного года он должен быть уволен.

Насколько нам известно, ситуации, аналогичные изложенным выше, не столь уж редки в провинциальных вузах, оказавшихся в новых условиях одним из наиболее недемократичных институтов нашего общества. И пока жизнь этих вузов будет все-

цело определяться консервативной номенклатурой, не зависящей от низов и неподконтрольной им, ожидать каких-либо перемен не приходится, а будущее перестройки останется под угрозой.

У перестройки есть противники!

Владимир КОСТЫЛЕВ,
старший преподаватель кафедры
истории СССР Брянского
госпединститута, председатель
профбюро исторического
факультета;

Александр СКОГОРЕВ,
старший преподаватель кафедры
всеобщей истории, член
профбюро истфака;
Марина ЕПИШКИНА,
методист по заочному
обучению истфака, член
профбюро.

Самое страшное

В этом году в начале мая резко потеплело. Подростки в светлых одеждах, беззаботные высыпали на улицы — гуляют, смеются, едят мороженое. А по случаю праздника Победы было решено повести их на какой-нибудь фильм о войне — обыкновенное школьное мероприятие. Условие, поставленное директором кинотеатра было однозначно — только «Обыкновенный фашизм». Потому что это не просто фильм о войне, он заставляет думать о том, что такое фашизм как историческое явление, из чего он возникает и что его провоцирует.

Большой просторный кинотеатр заполнен старшеклассниками. Идут титры. На экране появились детские рисунки, лица детей. За кадром голос М. И. Ромма: «Дети везде одинаковы. И здесь — в Москве, и здесь — в Варшаве, и здесь — в Берлине, и здесь» (женщина закрывает ребенка от стреляющего в упор солдата). «Попал!» — этот голос безымянный, он ничей, откуда-то из рядов...

Бомбардировщики над Мадридом. «А при чем тут Испания?» А ведь действительно, что школьники знают о фашизме до 1941 года и за пределами нашей страны? Об итальянском фашизме, испанском и даже германском? О последнем обрывочные сведения даются на уроках истории в 10 классе. Вернее, не о самом фашизме, а об антифашистском движении. Спросите у школьника, что такое фашизм (кстати, не только у школьника, можно спросить и у взрослого), — ответ получите весьма абстрактный: убийства, зверства, концлагеря, уничтожение других наций. А как это возникает? Почему нация людей превращается в нацию «зверей»? На этот вопрос вразумительного ответа вы не получите. Однако вспомним старую истину: чтобы человеку стать зверем, ему необходимо отказаться самостоятельно мыслить.

Фильм продолжается. Ораторствует Муссолини. Хлопók. Кто-то повторил. Второй. Третий. Аплодируют почти все. Кому? Чему? А просто так. Пошутили! Воспринимать ребята не хотят. Это — не случайно — в школе, как правило, учат не осмыслять, а запоминать. Большинство из них не умеют самостоятельно мыслить, поэтому сейчас они закрываются, а если вдруг что-то задевает чувства — стыдятся друг перед другом. Я прекрасно помню это состояние изнутри — именно стыдятся, и от этого еще сильнее потакают всеобщему балагану. Если б ребята смотрели «Обыкновенный фашизм» поодиночке — многое было бы не так; но сейчас действует закон коллектива, массы. Для них задуматься, серьезно отреагировать на фильм — означает выпасть из коллектива. Внутренне выпасть из коллектива, в котором обязан постоянно существовать, — страшно. И будь я сейчас их одноклассницей, я бы, как и они, закрылась.

Что это за «коллектив», в котором не принято быть индивидуальностью, не принято думать? Мы с младенчества воспитываемся в нем, чтобы всю жизнь быть его членами, и есть даже такой термин: «коллективное сознание», которое почему-то противоречит индивидуальному. А ведь настоящий коллектив — это не группа одинаковых людей, а единство самостоятельных личностей.

В кадре ревушие толпы приветствуют гитлеровскую верхушку. Здесь личности нет. А вот, на мой взгляд, самые чудовищные кадры: на трибуне детьми, одетыми в белые и коричневые рубашки, написаны слова приветствия, а сами они восторженно машут руками. наших детей это не возмущает! А факельное шествие по случаю прихода нацистов к власти, когда огненная свастика движется по площади, приводит в восторг — голос девочки у меня за спиной: «Красота какая!» Фильм кончается — с экрана в зал смотрят глаза Освенци-

ма. Голоса ребят: «Побежали скорее за мороженым, а то народ набезжит». Это уже не протест, а бравада — безразличие, эта якобы маска для многих ставшая сутью...

Мы пресыщены разговорами о войне. Именно пресыщены — вот наиболее точное определение. Пресыщены митингами, фильмами, стихами, памятниками — их избыточно много. В стране почти ежегодно открываются мемориалы. Патриотические темы стали перегибом для выращивания халтурщиков и деляг. Наш официальный патриотизм не достигает своей цели — он не воздействует. От избытка и однообразия люди закрылись до такой степени, что не воспринимают даже настоящее.

Что запомнили старшеклассники из «Обыкновенного фашизма»? Выходя из кинотеатра, ребята восхищались учениями американской морской пехоты и культуристами из ФРГ, девочки повторяли танец живота секс-бомбы третьего рейха.

Таким образом, с точки зрения внешней эффектности у фашистов большие преимущества. Их пропаганда обладает яркими средствами, они привлекают мифологической простотой, культом борьбы и силы. Как сказано у Ромма: «Это нравилось, это нравится и сейчас, это будет нравиться всегда». И это не страшно, если при этом человек думает и в основном решает сам за себя. Если он личность и не живет по принципу: все хлопают — и я хлопаю, все голосуют — и я голосую, все бьют и я бью. Если у него есть свое мнение.

Как сделать так, чтобы в обществе было меньше маленьких безгласных людей, и чтобы мнение каждого было нужно? Гордиев узел. Но для дальнейшего существования общества необходимо его если не разрубить — хватит жестоких мер, — то развязать.

Ольга БЛИНОВА,
г. Москва.

Без директив

Мы с большим вниманием и интересом ознакомились с опубликованными в бюллетене материалами дискуссии «Баррикады перестройки». Мы — это члены неформальных клубов: литературного «Жаляна Красная» и социальных инициатив (КСИ) — «Возрождение» (Сарагов). Невозможно в короткой заметке откликнуться на все затрагивающие нас острые, но не бесспорные, требующие глубокого осмысления вопросы (даже темы) дискуссии. Но на одну из тем, наиболее для нас болезненную, не откликнуться нельзя.

Она прозвучала в выступлении А. Нуйкина и четко сформулирована Л. Баткиным: «... нужно настаивать на беспорном праве создания вольных самодеятельных общественных организаций типа научных ассоциаций, художественных сообществ, небольших

журналов, кооперативных издательств... Нам остро необходимы независимые газеты и журналы, которые не были бы ведомственными органами, а выпускались бы группами журналистов, писателей, всех желающих и способных это делать».

Мы считаем, что решение изложенной проблемы явилось бы важнейшим вкладом в судьбу всей перестройки.

Ибо законодательно закрепленное право граждан любых социальных групп создавать свои объединения с реальной возможностью пропагандировать свои взгляды, излагать соображения и требования через государственные, кооперативные или же самодеятельные издания, право на саморегистрацию таких групп при обязанности административных органов зарегистрировать «де факто» са-

модеятельные организации или их представительные органы (комитеты) с учетом соответствия предъявленных Устава и Программы деятельности Конституции СССР,—это коренной вопрос перестройки в социально-политической сфере нашей жизни.

Без решения этого вопроса сегодняшний процесс либерализации не только никогда не перейдет в демократизацию, но и захлебнется сам.

А без демократизации общественной жизни невозможно перестроить и экономику, так как невозможно заменить административно-командные методы на принципы экономического соревнования без перестройки на соответствующий, «адекватный» лад духовной жизнедеятельности общества.

Без такого соответствия не получит развития и концепция «нового мышления». Ибо без поддержки ее снизу, поддержки неформальной, то есть выстраданной, концепция «нового мышления» приобретет характер директивы, спущенной сверху и разделит судьбу многих и многих поживших прогрессивных концепций.

Попробуйте представить себе при директивной реализации «нового мышления» хоть одно звено административно-командной системы, которое решилось бы провести, например, кампанию против детской игрушки «человекоубийственного» назначения... Министерство торговли? Военкоматы? Фабрики игрушек? — Абсурд и фантастика.

Да что там военная игрушка! Не члену Союза писателей невозможно опубликовать стихотворение, отражающее «непривычный», «непринятый» ракурс «нового мышления». Делать это приходится так, как считает необходимым Л. Баткин, то есть на страницах самодетельного литературно-публицистического альманаха «Голос памяти», наряду с реферативными заметками периодической печати (в том числе и «Века XX...»).

Жизнь берет свое. Ждать же, когда «сверху» милостиво спустят разрешение можно и еще семьдесят лет!

**Юрий ЧЕРНЫШОВ, инженер,
председатель КСИ
«Возрождение» (Саратов).**

Пусть обсудит планета

Второй раз проводится конкурс на лучший проект памятника Победы в Москве. И второй раз нет ни одного из них, который вызывал бы чувство всеобщего восхищения и удовлетворения.

Велика цена Победы. Столь же велико и требование к такому памятнику. По праву его рассматривают как памятник третьего тысячелетия. Мне кажется, что конкурс на лучший проект памятника Победы надо вынести за рамки нашей страны и сделать его международным. Пусть в нем участвуют все лучшие представители творческой мысли и миролюбивых сил Земли. Ведь значение будущего памятника носит междуна-

родный характер. Пусть же и конкурс будет международным.

Это будет еще одна форма сплочения народов и объединения человеческой цивилизации в борьбе за мир.

Может быть, в конце концов победит проект, автором которого станет коллектив архитекторов, художников и ученых разных стран. И это будет глубоко символично.

Я — за международный конкурс!

**Виктор СЕМАШКО,
военнослужащий,
г. Мирный
Архангельской обл.**

Моя тревога

Слишком поздно прочитала статью Андрея Нуйкина «Мы все за мир?» (№ 10/87). Эта статья вызвала очень тревожные мысли. Наверное, пресловутый военно-промышленный комплекс существует не только во враждебном лагере. (После чтения журнала «Век XX и мир» слово «враждебный» хочется даже поставить в кавычки. Это, возможно, лагерь таких же погрязших в ошибках людей, как и наш). Но то, что наш ВПК не желает скорого разоружения, как и их ВПК, это теперь для меня несомненно. И не только скорого, но и вообще — никакого!

Разговаривая однажды с мелким служащим этого самого ВПК, своим родственником, я узнала, что дела в их ведомстве идут неплохо и не исключено, что и он со своей семьей скоро получит квартиру уж совсем улучшенной планировки. Я тут же выпалила, что желаю всему ихнему

ведомству вообще остаться без работы.

Выходит, если мелкий служащий может потерять что-то из-за разоружения, то что говорить о крупных начальниках (и военачальниках?). Они вообще останутся без должностей и привилегий. Так как же они могут не быть тормозом всеобщего и полного разоружения? Вот они и придумывают все новые «опасности», лишь бы не разоружаться. А может, оба этих военно-промышленных комплекса нарочно раззадоривают друг друга, лишь бы не угадала наша в них потребность?

Мое предложение — безотлагательно уменьшить все запасы боеголовок (даже в одностороннем порядке) хотя бы в десять раз. Ведь оставшихся все равно, кажется, хватит, чтобы уничтожить все живое на Земле.

И хватит играть со спичками под Семипалатинском. Оставьте чистый воздух и чистую землю нашим детям. Ишь, увлеклись «изучением физики ядерного взрыва»! На своей бы голове изучали.

Я уверена — по ту сторону океана все психически здоровые люди тоже требуют потеснить их военно-промышленный комплекс. Освободившиеся средства можно тратить на улучшение охраны здоровья людей и на выявление их природных способностей. Это гораздо полезней, чем «изучать» атомный взрыв.

Любовь ЦЫГАНОВА,
противница изучения
атомного взрыва,
г. Калуга.

ОТМЕЧАЯ ЗАСЛУГИ

На своих заседаниях в мае 1988 года бюро президиума Советского комитета защиты мира постановило наградить почетной медалью «Борцу за мир»:

За активную многолетнюю деятельность по укреплению дела мира — ИВАНОВА Михаила Ивановича, председателя Чувашского комитета защиты мира, главного редактора газеты «Советская Чувашия», члена СКЗМ; НОВИКОВА Анатолия Николаевича, председателя Смоленского областного комитета по телевидению и радиовещанию, члена областного комитета защиты мира; ВЛАДИМИРОВА Михаила Григорьевича, члена президиума Ставропольского комитета защиты мира, героя Советского Союза; ПОЛЯКОВА Юрия Николаевича, первого секретаря Сочинского горкома КПСС; МОЛЯРЕНКО Владимира Павловича, председателя горисполкома города Сочи.

За активное участие в движении сторонников мира и в связи с 70-летием — ВЕРГЕЛИСА Арона Алтеровича, главного редактора журнала «Советиш Геймланд» («Советская Родина»), члена СКЗМ.

За активное участие в движении сторонников мира и большой вклад в улучшение советско-американских отношений — ФРЕЙЗИЕРА Говарда, исполнительного директора американской антивоенной организации «За обеспечение прочного мира».

За активную многолетнюю миротворческую деятельность — Митрополита Волоколамского и Юрьевского ПИТИРИМА, Архиепископа Дмитровского АЛЕКСАНДРА, Архиепископа Псковского и Порховского ВЛАДИМИРА, Архиепископа Винницкого и Брацлавского АГАФАНГЕЛА, Архиепископа Бакинского и Ставропольского АНТОНИЯ, Архиепископа Ивачо-Франковского и Коломенского МАКАРИЯ, Епископа Каширского ФЕОФАНА, протодиакона ВЛАДИМИРА НАЗАРКИНА.

Почетной грамотой СКЗМ награждены — ответственный секретарь отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии БУЕВСКИЙ Александр Сергеевич, иеромонах СЕРАФИМ ТРОФИМОВ.

В СОВЕТСКОМ ФОНДЕ МИРА

КОРАБЛЬ СОЛИДАРНОСТИ И ДРУЖБЫ

Советский комитет солидарности с народами Латинской Америки совместно с Советским фондом мира и Советским Красным Крестом объявил сбор средств в помощь никарагуанскому народу, в Никарагуа отправится «корабль солидарности» с грузами от различных общественных организаций разных социалистических стран.

Материальная помощь от советских общественных организаций народу Никарагуа поступала с первых дней сандинистской Революции. Только в прошлом году СФМ оказал помощь районам, пострадавшим от действий контраст и детям-сиротам, которых сейчас в Никарагуа пятьдесят шесть тысяч, на сумму в полмиллиона рублей. Но акция такого широкого масштаба, как «Корабль солидарности» проводимая совместно с Че-

хословакией, ГДР, Болгарией, Польшей, Венгрией осуществляется впервые.

Предметы первой необходимости, транспортные средства, трактора, экскаваторы, продовольствие, детское питание, медикаменты, письменные принадлежности и игрушки для детей — таков неполный перечень грузов, которые доставит советское судно в Никарагуа. Все это будет приобретено на добровольные пожертвования общественности, которые уже поступают в Советский фонд мира.

Советский Красный Крест (115492 Москва, 6 Радиальная ул., 62а) принимает посылки от советских граждан с пометкой «Корабль солидарности с Никарагуа».

«Корабль солидарности» отправится к берегам Никарагуа в октябре.

КАК ЗАВЕЩАЛ САНДИНО

Июль — месяц, когда народ Никарагуа отмечает годовщину сандинистской Революции, свершившейся в 1979 году. Мир сегодня настолько взаимосвязан, что любое важное политическое событие, тенденция в любой стране отзываются во всех регионах планеты. Процесс национального примирения в Никарагуа, прекращение гражданской войны, скрупулезное выполнение гватемальских соглашений, открывающих путь к мирному урегулированию конфликта в регионе, — как раз такого рода явления: при локальном масштабе, они имеют глобальный резонанс.

Интервью нашему корреспонденту Николаю КУЧИНУ дал вице-президент ВСМ, член президиума Никарагуанского комитета мира Уго МЕХИЯ.

Корр. Успех или неуспех гватемальских соглашений зависит прежде всего от того, в каком направлении будут развиваться события в Никарагуа. Уже много лет ваша страна является средоточием острых идеологических споров в Западном полушарии, что объясняется уникальным характером сандинистской революции — как в теоретическом, так и в практическом плане. Отсюда — каковы же задачи Никарагуанского комитета мира?

У. М. Во-первых, несколько слов о нашей организации: Никарагуанский комитет мира (НКМ) — это массовая общественная организация, опирающаяся на самые широкие слои населения нашей страны и поэтому выражающая его законные интересы и общенациональное стремление к миру как в глобальном, так и региональном плане.

К мероприятиям комитета привлекаются женские, студенческие, профсоюзные организации, деятели культуры, религиозные круги. Внутри страны мы стараемся всеми силами проводить в жизнь

политику, разработанную правительством Национального возрождения, поскольку эта политика отвечает нашим жизненным интересам. Это борьба с «необъявленной войной» США против нашей страны, агрессией, экономической блокадой, за утверждение национального суверенитета и выбор своего пути развития. Это борьба за мирное урегулирование центральноамериканского конфликта, за безусловное выполнение Гватемальских договоренностей от 7 августа 1987 года. Мы — за превращение Центральной Америки в регион мира, без иностранных военных советников и войск, против гегемонистской политики Вашингтона относительно нашего развития и его нового, все более изощренного вмешательства в наши внутренние дела.

Борьба никарагуанских сторонников мира против политики диктатора и агрессии американского империализма — составная часть всей борьбы латиноамериканских народов за неотъемлемое свое право строить свое мирное будущее, а значит, и за мир во всем мире. В этой

связи мы приветствуем подписание договора между СССР и США об уничтожении целого класса ядерных вооружений, поддерживаем советские мирные инициативы, направленные на создание системы всеобщей международной безопасности. Мы за то, чтобы человечество вступило в новое тысячелетие без ядерного оружия.

В этом году НКМ совместно с другими центральноамериканскими антивоенными и общественными организациями планирует проведение Марша мира по Центральной Америке. Предполагается, что участники марша пройдут по Коста-Рике, Никарагуа, Гондурасу, Сальвадору и Гватемале, где на месте смогут проверить, как реализуются договоренности о достижении мира в регионе, обусловленные соглашением в Гватемале. Кроме того, мы планируем провести международную конференцию «Судьбы земли» в 1989 году, в ходе которой сотни представителей всех континентов смогут обсудить экологические, энергетические, гуманитарные проблемы, волнующие все человечество и, конечно, будут затронуты вопросы войны и мира, борьбы за выживание человечества, вопросы единства действий антивоенных движений за сохранение мира на планете.

Мы серьезно озабочены планами Пентагона по созданию своего рода «ядерных тисков» вокруг Южного конуса. Этот треугольник военных баз и объектов в Пуэрто-Рико, на Мальвинах и острове Пасхи несет вполне ощутимую ядерную угрозу нашему континенту. Общественное мнение и политические круги Латинской Америки — за укрепление статуса региона как безъядерной зоны. С новой интенсивностью антиядерные настроения на континенте проявились в 1987 году, когда отмечалось 20-летие Договора Тлателолко. Это элементы нового политического мышления, осознания реальности ядерно-космического века.

Корр. Вы называете себя сандинистами, а пресса США именуется вас коммунистами, марксистами... Что вы можете сказать о сущности идеологии сандинизма?

У. М. Революции позволяют странам пройти десятилетия за считанные годы. Именно это произошло в Никарагуа. Да, никарагуанцы живут в бедности, в условиях необъявленной войны, но не теряют мужества и оптимизма. Альтернатива революции — это возврат к прошлому, к «банановой республике», за которую все решения опять принимал бы Вашингтон. Но сегодняшняя Никарагуа — антипод вчерашней. В мире сегодня не так уж много мест, где люди держат себя с таким достоинством, как на земле Сандино. Сандинизм — это, я бы сказал, органическое слияние народного опыта многолетней борьбы, начиная с вооруженных выступлений Сандино в 1927 году против американской интервенции в Никарагуа, народных концепций и особенностей нашей нации со строгой научной теорией и методологией исследования, которая во многом включает в себя элементы марксистской теории, что позволяет нам называть сандинизм творческой переработкой идей марксизма, их переосмыслением и применением на практике. Однако, говоря это, мы не ставим знака равенства между марксизмом-ленинизмом и теорией сандинистов. Это — новая, особая идеология. Мы прекрасно знаем, что наша демократия, рожденная революцией, пока несовершенна и стремимся ее улучшить.

Мы считаем, что опыт нашей борьбы имеет большое практическое значение для народов Латинской Америки, Азии, Африки. Для этих народов в нашем опыте заложено будущее.

Одной из особенностей нашей идеологии является концепция политического плюрализма. Она, как мы полагаем, наиболее демократична и позволяет доказывать превосходство наших взглядов каждый день и каждый час на конкретных примерах и активно сотрудничать в деле обновления страны с представителями оппозиции и лицами, в чем-то не согласными с линией нашей политики. Мы ввели новый стиль правительственного вещания. Микрофоны теперь устанавливаются прямо на улицах — подходи и высказывайся по любому вопросу. Это дает народу возможность чувство-

вать себя реальным действующим лицом своей истории.

Корр. В стране вновь функционируют оппозиционные газеты «Ла Пренса» и радиостанция «Радио Католика». Изменились ли их взгляды?

У. М. Цензура отменена. Министр внутренних дел Никарагуа Томас Борхе весьма ясно высказался по этому поводу, заявив, что «отныне нет никаких ограничений свободы слова и свободы информации при условии строгого соблюдения принципов, установленных конституцией».

С руководством оппозиционных средств массовой информации были проведены соответствующие переговоры, разъяснены позиции Сандинистского фронта национального освобождения (СФНО) по вопросам свободы слова и печати. «Ла Пренса» и «Радио Католика» уже не призывают открыто к иностранной интервенции и свержению сандинистского правительства. Однако, если проанализировать их политическую линию, то легко можно убедиться в неизменности позиций относительно существующего в стране строя, их приверженности политике нынешней администрации США, ориентировки в своих выступлениях на, я бы сказал, махровый, отъявленный антикоммунизм. Они широко пользуются правом критиковать действия правительства, открыто выражать свое мнение по любым вопросам, декларировать свои принципы и взгляды. Наша задача — сделать так, чтобы простой народ все меньше верил «сенсационной информации» оппозиции, ее «уткам» и демагогическим заявлениям. Для этого нам необходимо удвоить усилия по правдивому, серьезному показу развития сандинистской революции, ее трудностей и достижений, анализу политической и экономической обстановки внутри страны и складывающейся внешнеполитической ситуации вокруг Никарагуа.

Корр. Как решается в Никарагуа проблема национальных меньшинств: мискитос, сумос, рамас и других индейских племен?

У. М. В первые годы революции, в силу нехватки опыта, были допущены серьезные ошибки в отношении урегулирования проблем населения «мискигли», в результате чего большая часть

мискитос под массивным воздействием пропаганды «свободного мира» покинула родные очаги и перешла на территорию Гондураса. Впоследствии это население было использовано главарями контрреволюционных сил и американскими советниками в Гондурасе для формирования групп «контрас» и засылки на родную землю для ведения вооруженной борьбы.

Благодаря напряженной работе СФНО по решению этой проблемы, разъяснению целей и задач революции среди национальных меньшинств, практическому осуществлению плана их экономического, политического и культурного развития значительная часть мискитос, тысячи и тысячи семей, вернулись на национальную территорию и приступили к мирной жизни.

Хочу особо подчеркнуть, что в принятой недавно конституции Никарагуа впервые в Латинской Америке легализуется автономия этнических меньшинств, записано, что Никарагуа является многонациональным государством. Это позволяет мискитос стать активными участниками политического процесса в стране, самим определять свою судьбу. Среди них ширится понимание целей революции, растет самосознание. Они нормально охраняют с оружием в руках свои территории от вторжений «контрас», создают проекты развития поселков и сельскохозяйственных угодий. Самостоятельно будут избирать и свое местное руководство.

Корр. Следующий вопрос в какой-то мере связан с предыдущим. В Советском Союзе дискутируется возможность отмены смертной казни. В этой связи нам интересен опыт сандинистской революции. Были ли у вас в стране дебаты по этому поводу?

У. М. Дилемму о смертной казни мы решили однозначно — высшая мера наказания была упразднена с победой сандинистской революции. В этом отразилась гуманность революции, ее великодушие. Победитель силен не местью а благородством, и римского «Горе побежденным!» мы не признаем. Революционное правительство установило максимальную меру наказания — 30 лет заключения за самые тяжкие преступления, включая геноцид во время диктатуры Сомосы.

РЕВОЛЮЦИЯ В СОЗНАНИИ

Беседа с доктором исторических наук,
профессором Дипломатической Академии МИД СССР
Владленом СИРОТКИНЫМ

— Сейчас много говорят о том, что проблемы разоружения, проблемы мира тесно связаны с проблемой доверия. Можно ли доверять — задаю я себе вопрос, — тем, кто не признает своих ошибок, кто постоянно твердит о неизменности позиций, кто утверждает, что всегда проводил одну и ту же политику, в то время, как его соседи, его соперники и противники прекрасно знают о том, какую действительно позицию он занимал прежде и какую занимает сейчас.

Это одна сторона вопроса. Вторая: можно ли доверять стране, представители которой вовне высказывают одни концепции, а внутри — другие. Или наоборот, выносить определенную информацию вовне, сохраняя молчание внутри страны и скрывая от своего народа сведения, имеющие жизненно важное значение для него.

Фактически, мы, как народ, не знаем своего прошлого. Мы забываем его. И если жизненный опыт каждого отдельного человека представляет собой неоценимый материал для ориентации человека в жизни, то точно так же история для народа — неисчерпаемый клад опыта, которым он руководствуется, двигаясь в будущее. И если мы об этом опыте сегодня забываем, то не можем быть уверены в том, что не повторим ошибок, или в том, что будем правильно ориентироваться в политической реальности, в нашей общественной жизни.

— Я хотел бы начать со второго вашего вопроса, вопроса о нашем историческом опыте. Потому что от этого очень многое сейчас зависит. Зависит и так называемый «образ врага», который

очень широко эксплуатируется на Западе, и наше с вами восприятие. Позвольте мне начать необычно. Позвольте мне задать вопрос вам. Скажите, пожалуйста, что такое МОПР?

— Да, действительно, сейчас уже трудно на этот вопрос ответить.

— КИМ?

— Коммунистический интернационал молодежи.

— Уже хорошо. Как называлась первая программа московского радио до войны?

— Безусловно, не могу ответить.

— А прошло ведь всего где-то пятьдесят лет. И мы уже не помним. МОПР — это Международная организация помощи рабочим. А первая программа радио на Шаболовке называлась «Коминтерн», и начиналась передача: «Доброе утро, товарищи! Говорит «Коминтерн». Моя мать до сих пор говорит: «Что передавали по «Коминтерну»?»

И вот в этом, как раз, ключ для понимания очень многого. Мы сейчас забыли, во имя чего начиналась Октябрьская революция. Ведь она начиналась как составная часть мировой революции.

Недавно А. Бовин на страницах «Коммуниста» напомнил эту первоначальную ленинскую установку: «...мы начали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию.» (т. 42, с. 1)

— Конечно. Даже известный Декрет о мире издавался как документ, который, провозглашая мир, призван был «превратить войну империалистическую в войну гражданскую».

— Большие того. Мы концепцией мировой революции ставили своей задачей

раскол мира на пролетариев и буржуев. Пролетарии всех стран, соединяйтесь! — это старый марксистский лозунг. И Декрет о мире был адресован не столько правительствам, сколько народам через головы правителей.

Как-то, читая старые французские газеты, я наткнулся на такую карикатуру. Земной шар, на него накинута две петли. За одну тянет Ленин — под ним написано «интернационализм». За другую — Вудро Вильсон, тогдашний президент США. Под ним написано «национализм». Вот где происходило столкновение концепций. Ленин поставил своей задачей сплотить пролетариев, чтобы совершить мировую революцию. Поэтому и возникли Коминтерн, МОПР, КИМ, Крестьянский Интернационал, Профинтерн, Спортинтерн и ряд других организаций такого же плана. И это совершенно логично.

До 1934 года мы не принимали буржуазных делегаций, только рабочие. Лишь в сентябре 1934 года мы вступили в Лигу наций, а прежде не признавали ее как буржуазное образование. Существовала четкая программа создания отдельного, самостоятельного рабочего движения. Отсюда роль Коминтерна.

Какую же позицию занял Вильсон? Националистическую. Смысл знаменитых 14 пунктов заключался в том, чтобы пойти на распад крупных империй, таких, как Австро-Венгрия или Османская империя, создать маленькие государства — так называемый «план балканизации» — и использовать национализм как противовес интернационализму. Мы должны объективно признать, что это был сильный инструмент, потому что наша борьба за мировую революцию, за интернационализм столкнулась с очень серьезным противником — национализмом. И это привело к эволюции наших установок. И здесь мы должны отметить этапы развития.

— Это у нас было и в 1919 году, когда наши войска были направлены в Венгрию, хотя туда они и не сумели проваться.

— Это касалось Венгрии, это касалось Финляндии, это потом касалось Закавказских республик.

— Это касалось, в определенной степени, и Баварии...

— Задним числом мы всегда все умны. Но это была вера, концепция, политика — все, что хотите. И, кстати, здесь мы не были изобретателями. Ведь точно так же действовали французские революционеры во время Великой французской революции. «Мир хижинам — война дворцам!». Ведь они опубликовали все секретные договоры королевского правительства в 1793 году, точно так же поступили и мы в 1917—18 годах. Точно так же они старались присоединить к революционной Франции так называемые дочерние республики — Голландию, Швейцарию, Западно-германские княжества, Северную Италию.

Примерно та же схема была и у нас до 1920—21 года. Бухарин в 1918 году в своей программе «левого» коммунизма писал: «Наше дело... есть дело всемирной пролетарской революции, дело создания всемирной Советской республики». Но когда выяснилось, что мировая революция запаздывает, Ленин сделал поворот, который многие коммунисты не поняли — были случаи выхода из партии из-за несогласия с нэпом, и даже случаи самоубийства, так как многие считали, что мировая революция закончилась. Ленин же сказал: надо набраться терпения — революция будет на Востоке, — и умер с убежденностью, что мировая революция свершится.

Но уже в 1923 году в партии по вопросу о том, каков наилучший способ приблизить мировую революцию, начинаются разногласия. Троцкий и его сторонники считают, что нужно форсировать мировую революцию и форсировать создание основ социализма в СССР, тогда как Бухарин и его сторонники, отказавшись от прежней «ультра-левой» концепции, считают, что нужно укреплять нэп, что нужна более длительная подготовка к мировой революции, причем не как в атаке («Даешь Варшаву! Даешь Берлин!»), а как процессу; Бухарину первому принадлежит идея об организованном капитализме: капитализм нашел в себе силы, укрепился, направил революционный порыв в националистическое и реформистское русло.

1927 год — рубикон: крах революции в Китае. И сторонники мировой революции оказываются в тупике. Этим объясняются глубинные причины пора-

жения Троцкого в Советском Союзе. Победила точка зрения Бухарина, который считал, что мы строим социализм, как плацдарм будущей мировой революции.

Более того, на IV (1922 года) и VI (1928 год) конгрессах Коминтерна он отстаивает тезис об «универсальном значении нэпа» как единственно правильного пути к мировой революции не только в СССР, но и в Западной Европе и в Америке. Ниже мы увидим, как Сталин все это извратил.

В «Коммунисте» в конце прошлого года была опубликована статья О. Лациса о темпах индустриализации. Эта маленькая статья, восемь-девять страничек, стоит многих томов наших исследований по тому периоду, потому что там четко показано, как изменилась изначальная концепция первой пятилетки, как резко изменились темпы. Первоначально они были обоснованными и рассчитанными на более длительный срок. Буквально в течение одного 1929 года Сталин страшно ускорила темпы, сделал так сказать, «большой скачок». Фактически, ни первая, ни вторая пятилетки по целому ряду показателей (нефть, чугун, тракторы и др.) не были выполнены, хотя это была гонка. Почему это произошло?

Совершенно справедливо наши писатели говорят о борьбе за власть. Но ведь были и объективные условия, которые позволили Сталину взять верх. Проблема состояла в концепции: мировая революция или социализм в одной стране. Концепция мировой революции имела ведь и такую сторону: страх перед капиталистическим окружением и иностранной интервенцией.

Еще в 1921 году в «Тезисах доклада о тактике РКП» к III конгрессу Коминтерна В. И. Ленин писал: «Международная буржуазия, лишенная возможности вести открытую войну против Советской России, выжидает, подкарауливает момент, когда обстоятельства позволят ей возобновить эту войну». Но до 1930 года мы не боялись: рабочий класс против нас не пойдет, а буржуазия одна ничего не делает. Мы считали, что наша армия — это не только та, что внутри, это армия всех буржуазных государств. И в тылу любой авантюры, любой армии, которая пойдет против нас, произойдет восстание пролетариата. Идеологически

эта концепция просуществовала до 1941 года. Когда в июне — июле политики шли в окопы, то, хотя немцы двигались уже к Москве, они верили, что еще немало — восстанет немецкий пролетариат, и фашизм отступит. Но я еще скажу о расхождении идеологии и практики.

В условиях «запаздывания» мировой революции Сталин ставит вопрос: как нам обороняться? Надо укреплять армию. А чтобы укрепить армию, нужна индустриализация. Нужна коллективизация. И концепция социализма в одной стране становится преобладающей, она получает поддержку большинства в партии. По крайней мере, всего руководства. Это тоже очень интересный вопрос.

За период с 1917 по 1927 годы состав партии меняется. Революцию делали революционеры, прожившие в эмиграции, знавшие ситуацию в Западной Европе, Америке и т. д. Но 50 тысяч коммунистов погибло в годы гражданской войны. Очень много для партии, которая насчитывала всего 200—250 тысяч.

— Это в момент революции. А до Февраля партия и вовсе насчитывала где-то пять тысяч. Это и был главный кадровый состав партии.

— Да, Ленин говорил о тонкой прослойке старой партийной гвардии — в 1928 году она составляла 1,1 процент всего состава партии. И тем не менее Ленин в марте 1922 года резко выступил против форсированного приема в партию, как это предлагали делать Г. Е. Зиновьев и И. В. Сталин. Он считал 300—400 тысяч членов партии «чрезмерным», но XI съезд РКП(б) к нему не прислушался: прошло предложение Зиновьева об облегченном приеме в партию. И вот результат — уже к XIV съезду в конце 1925 года в партии было более одного миллиона человек. О. Лацис недавно в журнале «Знамя» обратил внимание на эту будущую «пехоту Сталина». Следовало бы лишь добавить, что тревогу в партии начали бить еще 60 лет назад. В докладе Д. З. Мануильского на VI Конгрессе Коминтерна отмечалось: к концу 1920-х годов две трети членов партии вступили в годы нэпа. В 1924—25-х годах приходят простые рабочие, много служащих — людей, которые плохо представляли себе международную ситуацию.

1917—1920 годы — мы отражаем иностранную интервенцию, Гражданской войны. И в то же время идея мировой революции является главной. Теперь я задам вам вопрос: вы хорошо знаете Брестский мир?

— Относительно.

— Во всяком случае, благодаря пьесе Шатрова?

— Шатрова я не читал. Я знаком с Брестским миром по протоколам заседаний ЦК РКП(б) и седьмого съезда.

— А если я спрошу вас, что вы знаете о Рижском мире?

— Решительно ничего.

— Брестский мир был заключен в марте 1918 года, Рижский — в марте 1921-го. Это два противоположных мира. Дилемма Брестского мира — мировая революция или социализм в одной стране.

— Собственно говоря, проблема, скорее, состояла в выборе тактики в мировой революции.

— И все же Бухарин высказал мысль, что можно пойти на утрату Советской власти во имя мировой революции. Потом его за это в «Кратком курсе» очень ловко ухватил Сталин.

Рижский мир — совершенно другая концепция.

Западная граница СССР до 1939 года проходила в 30—32 километрах от Минска. Мы вынуждены были пойти на уступку значительной части своей европейской территории; я имею в виду Западную Украину, Западную Белоруссию. Я не говорю о Прибалтике — эти страны получили независимость, тут все нормально. А почему? Потому что столкновение интернационализма с национализмом во время польской кампании 1920 года принесло нам военное поражение, о чем мы не любим говорить. Но оно было большим, чем чисто военное поражение. Это было столкновение концепции мировой революции и национализма. И мы вынуждены были отступить.

Если Брестский мир просуществовал менее года, с марта по ноябрь 1918, и был потом нами аннулирован, то Рижский мир просуществовал с марта 1921 года по сентябрь 1939 — восемнадцать лет. И этот мир, по сути дела, определял наши отношения с капиталистическими государствами в Европе и, конечно, с Соединенными Штатами. И

когда мы говорим, что у нас появился нэп, мы в основном учитываем внутренние факторы: крестьянство недовольно, кулацкие мятежи, антоновщина, кронштадтский мятеж. Но ведь был еще — и я считаю, наиболее важный фактор — Рижский мир. Потому что он, по сути дела, поставил нас в условия, когда мы были вынуждены отступить в своей концепции мировой революции, отложить реализацию этой программы на более позднее время.

Интересна в этой связи партийная конференция в сентябре 1920 года, где обсуждались итоги поражения в войне с Польшей. Она, к сожалению, у нас мало известна. А это очень важный момент, потому что тут стоял вопрос о том, что же делать дальше? Формируется такая концепция: если с 1917 по 1920 год была красновардейская атака на мировой капитал, то теперь мы вынуждены отступить. Причем, я хотел бы подчеркнуть, отказа от мировой революции не было. Стоял вопрос только о темпах и методах ее реализации. И если вы возьмете опубликованное в журнале «Коммунист» (№ 2, 1988 год) «Политическое завещание Ленина» Н. И. Бухарина, то есть его доклад на траурном заседании, то вы обратите внимание, что концепция мировой революции остается, но центр тяжести ее переносится с Запада на Восток. «Называет, — пишет Бухарин, — революционное движение в странах Востока... в революционный водоворот втягивается большинство человечества».

Иными словами, идея остается прежней. Меняется ее география, меняется центр тяжести. И мы, действительно, в двадцатые годы активно помогали и Китаю, и Турции, где в это время происходят сильные изменения, и Афганистану, а ведь брожение было и в Индии. Восток бурлил.

Концепция мировой революции остается, но сроки ее относятся на более отдаленный период, или, как тогда говорили, «мировая революция запаздывает». И концепция Ленина, которую потом пытался воплотить на практике Бухарин, состояла в том, чтобы укрепить СССР, прежде всего, как плацдарм будущей мировой революции. Причем, обратите внимание, когда мы создаем

СССР в 1922 году, мы не привязываем названия нашей страны к какому-нибудь географическому понятию, континенту. У нас Союз Советских Социалистических Республик. Не Евразийский, не Российский. Сейчас по телевидению очень часто показывают кинохронику тех времен, и это просматривается очень зримо.

Впрочем, возьмите ленинскую конституцию 1924 года об образовании СССР. В ее преамбуле четко написано: «...до ступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем», а СССР является «верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику». Из «сталинской» конституции 1936 года эта преамбула исчезла.

В 1925 году проходил XIV съезд партии. Тогда возникла «новая оппозиция» (Зиновьев, Каменев); ее ядро составляли делегаты из Ленинграда. Сейчас об этом не говорят: их поддержала Крупская. Ситуация была такая: был основной доклад, сделанный Сталиным, и был содоклад, прочитанный Зиновьевым. Если внимательно посмотреть, это и есть дискуссия: социализм в одной стране и мировая революция. Партии пришлось много сил приложить, чтобы убедить ленинградских членов партии в том, что надо строить социализм в одной стране и не заниматься прожектерством. Не надо форсировать мировую революцию, потому что она может вызвать катастрофу, мы проиграем, нас разобьют — вспомните Польшу: пытались в 1920 году победить кавалерийской атакой. А кто против нас пошел? Крестьяне, «хлопы». Они не поняли этих идей. Они воспринимали красных как русских, как представителей старой России, завоевателей, угнетателей. Мы-то считали, что раз мы отстаиваем дело пролетариата, то он весь за нами и пойдет, а это оказалось не так однозначно.

Так вот, на этом съезде выступил Микоян. Он сказал: «Наша задача — членов ЦК, середняков... — сидеть в ЦК в поле, выражаясь вульгарно, городовых и не допускать, чтобы вожди передрались» (Стеногр. отчет. М., 1926 г.,

стр. 187). И вот эти «городовые» стали составлять большинство и в руководстве, и в окружении Сталина. Это были хозяйственники, политические работники с мест и т. д. Они лишены были политического кругозора, который имела ленинская гвардия. Это не их вина, это их беда.

— Они выросли в обществе конкретных задач, которые повседневно рождала практика и вынуждала решать.

— Совершенно верно. Эта проблема и сейчас остается. Потому что условия районного или областного руководства отличаются от условий республиканского или союзного руководства. Наглядный пример — события в Закавказье, в Нагорном Карабахе. Я убежден, что очень многое вызвано неумением местных руководителей. Конфликтная ситуация досталась нам в наследство еще от царизма и первых лет Советской власти. Но ее можно решить, если широко политически смотреть. Тогда бы не было необходимости посылать «десант» наших высших руководителей, чтобы наводить порядок на местах.

Итак, хозяйственное руководство с мест составило ту силу, которая вознесла Сталина. Они были прагматиками и исходили из конкретных задач. В этой ситуации фактор капиталистического окружения — причем, психологически это можно понять — воспринимался как угроза. Правда, это очень большая проблема, насколько реально была угроза в конце 20-х — начале 30-х годов. Таких провокаций, на которые ссылались тогда, у нас в 60-х годах было сколько угодно — так и сейчас можно сказать: завтра война! Дело в соотношении. Я лично думаю, что непосредственной угрозы до 1933 года не было.

Вместе с тем, рядовой советский человек воспитан был на идее мировой революции. Все собрания заканчивались лозунгом «Да здравствует мировая революция!» Вот недавно «Огонек» (№ 8, февраль 1988) опубликовал письмо ветерана о том, что в Красной Армии в 1922—23 годах изучали язык эсперанто, поскольку это был язык мировой революции. Было огромное общество эсперантистов, и оно существовало до 30-х годов, пока Сталин его не ликвидировал как гнездо иностранных шпионов. Вспом-

ните персонажей из литературы. Макар Нагульнов, организовав колхоз, держал в одной руке наган, а другой листал англо-русский словарь, чтобы поднять в Индии восстание. Потрясающий образ! Точно так же Чапаев беседовал с Петькой: «Ты, Василь Иванович, за кого? За большевиков аль за коммунистов?» «Я за III Интернационал».

И вдруг оказывается, что мировая революция в ближайшее время — а уже прошло десять лет! — не произойдет. И тут проявляется то, что Маркс называет святым нетерпением. То, что предлагали троцкисты, начинают реализовывать в 1928 году — выгнать Троцкого и остальных. Когда мы пишем об этом периоде — коллективизации, индустриализации, — мы не смотрим на деятельность Коминтерна в это время. А это очень важно. Наша партия была секцией Коммунистического Интернационала, потому что это была единая мировая партия с отделениями на местах. В 1928 году нетерпение выливается в попытки форсировать мировую революцию: происходит VI Конгресс Коминтерна в Москве, который принимает «Программу мировой революции». Причем, кого мы тогда видим главным противником? Социал-демократию! И это тоже понятно: она предавала интересы рабочего класса, поддерживая буржуазные правительства. И мы начинаем винить не буржуазию, а социал-демократию: это они тормозят! А в это время растет реальная угроза нацизма и фашизма. Эту опасность мы в достаточной степени не видим, надо признать, — слов из песни не выкинешь! И Коминтерн принимает решение, что главная опасность — правый уклон. Начинаются столкновения социал-демократов и коммунистов. Это же проявляется и у нас. Кто правый? Бухарин, Рыков, Томский — те, кто выступал против форсированных темпов индустриализации, считая, что они нереальны.

Надо сказать еще одну вещь. Дело в том, что реальная обстановка меняется, а наши программные лозунги остаются прежними. Сталин, начиная строить социализм в одной стране, понимает, что никакой мировой революции не будет, но внешнее оформление остается прежним. Причем, мы начинаем форсировать левацкие, всякого рода, мероприятия.

Приведу некоторые примеры.

15 мая 1932 года мы объявляем антирелигиозную пятилетку, чтобы к 1 мая 1937 года ликвидировать все церкви, молельные дома, синагоги и изгнать самое понятие Бога. На практике это были взрывы. Взорвали храм Христа-Спасителя, главный монумент на Бородинском поле, памятники героям 1812 года как царским генералам и атаманам и т. д.

Сейчас много говорится и пишется о «большом скачке» Сталина в 1929—1933 годах в промышленности и сельском хозяйстве. Реже — о «скачке» в идеологии. А ведь они были тесно связаны. Разгром ленинского плана строительства социализма Сталин начал с идеологии, умело натравив нетерпеливых поборников мировой революции из коммунистов «изповского» призыва на беспартийных «попутчиков» (термин Троцкого) из числа дореволюционной интеллигенции, «спецов», головами которых в основном и осуществлялся нэп. Раньше, чем раскулачивание началось в деревне, оно началось в идеологии (разгромы 1929—1930 годов «попутчиков» в истории, философии, экономике и т. д.). Все это «подкреплялось» процессами о «вредителях» — Шахтинским, так называемой «промпартии» и т. п. Левацкая линия под флагом мировой революции насаждалась и в культуре. В Большом театре в 1933 году по либретто Демьяна Бедного ставится опера Бородина «Богатыри» под названием «Крещение Руси». Я процитирую вам рецензию журнала «Рабочий театр» № 1 за 1934 год: «Спектакль имеет ряд смелых проекций в современность, что повышает политическую действенность пьесы. Былинные богатыри выступают в роли жандармской охраны. Соловей-разбойник становится олицетворением именитого купечества. Византия переключается с фашистским Западом».

Это было внутреннее нетерпение людей, которые устали ждать, когда же наступит мировая революция. И в первую очередь это касается представителей интеллигенции.

Тяжело об этом говорить, но необходимо: ведь именно «неистовые ревнители» чистоты марксизма и мировой революции из числа партийной интеллиген-

ции 1929—1933 годов первыми стали славословить Сталина, психологически создавая культ его личности. На XVI съезде партии в 1930 году председатель Общества историков-марксистов М. Н. Покровский говорил: «Исходя из того, что говорил т. Сталин, нам пришлось пересмотреть все свои планы и переделывать их в том направлении, о каком говорил т. Сталин.» Сталин сполна «отблагодарил» этих марксистов: 99 процентов из них в 1937—1938 годах были репрессированы.

Мы оказываемся в ситуации расхождения между реальной необходимостью строительства в одной стране и ее идеологической надстройкой. Наконец в 1934—35-х годах Сталин отказывается от идеологического прикрытия в борьбе за власть — концепция мировой революции. Замечания Кирова, Жданова, Сталина на учебник истории сделаны 27 января 1936 года, а написано раньше, в 1934 году. Смысл состоит в том — если выикать в подтекст, — что нечего рассчитывать на мировую революцию, надо строить социализм в одной стране, опираясь на собственные силы, используя весь исторический потенциал, все, что было позитивного в истории, в частности, патриотизм, хотя там этого слова не было. Именно с тридцать четвертого года восстанавливаются у нас исторические факультеты. Мы начинаем заниматься гражданской историей, чтобы изучать внутренние наши потенции. Окончательно это проявляется в начале Великой Отечественной войны, когда Сталин неожиданно говорит: «Пусть осеняют вас имена великих русских полководцев Александра Невского, Дмитрия Донского, Михаила Кутузова, Александра Суворова». Это уже обращение к истокам. И уже в 1939—40-х годах начинают открывать патриотические памятники.

— Но идеи мировой революции еще далеко не исчезают из голов и вождей, и простых людей. Даже во время второй мировой войны идеи о мировой революции, о возможности «дойти до Атлантики» воодушевляют наших полководцев...

— Вы знаете, здесь есть принципиальная разница. Суть концепции мировой революции 20-х—начала 30-х годов—

в ликвидации государств, денег, бюрократии. Даже армия не нужна. Иное дело — сталинская концепция, когда дело революции становилось делом государства. Пусть социалистического, но государства. Эту разницу надо очень четко уяснить. Кстати, первым это сделал Л. Д. Троцкий, и нам сегодня об этом не следовало бы забывать.

Когда мы в 1920 году шли в наступление на Варшаву, Тухачевский издал приказ (2 июля 1920 года): «На Варшаву! На тытках мы принесем трудящемуся человечеству счастье и мир. На запад!» Тогда это решалось с точки зрения революции: мы не признавали ни буржуазного государства, ни буржуазных кодексов, ни политики невмешательства, как ее потом стали называть.

В 1918 году Бухарин в «Программе коммунистов (большевиков)» писал: «...речь идет не о праве наций (т. е. и рабочих и буржуазии вместе) на самоопределение, а о праве трудящихся классов... Вот почему мы говорим не о праве наций на самоопределение, а о праве трудящихся классов каждой нации. Во время пролетарской диктатуры не учредительные собрания («общенародные», «общенациональные»), а советы трудящихся решают вопрос.» Мы же шли на помощь пролетариату!

В воззвании II конгресса Коминтерна (1920 год) «К Красной Армии, к Красному флоту РСФСР» говорилось: «Вы воюете не только за интересы Советской России, но и за интересы всего трудящегося человечества, за коммунистический интернационал... Ближе время, когда создается международная Красная Армия».

Но в середине 30-х годов мы от этой концепции отказались. Мы признали Лигу наций, мы признали мировое сообщество, мы стали подписывать межгосударственные договоры.

В принципе это было воплощение ленинской идеи 1921 года об опасности «преувеличения революционности», «забвения граней условий уместного и успешного применения революционных приемов». Ленин говорил: «Настоящие революционеры на этом больше всего ломали себе шею; когда начинали писать «революцию» с большой буквы..., теряя способность соображать..., в какой мо-

мент... надо уметь действовать по революционному и в какой момент... надо уметь перейти к действию реформистскому». И, самое главное: «Настоящие революционеры погибнут (в смысле не внешнего поражения, а внутреннего провала их дела) лишь в том случае..., если потеряют трезвость и вздумают, будто «великая, победоносная, мировая», революция обязательно все и всякие задачи при всяких обстоятельствах... может и должна решать по-революционному».

Соотношение пролетарского и общенационального — большая проблема, и ее надо разрабатывать. Конечно, в рамках одного интервью этого не сделать, но важно ее поставить, потому что от этого сейчас многое идет. Скажем, проблемы глобальности человечества. Ведь это же было уже в самом начале революции. Недавно «Новый мир» опубликовал отрывок из выступления Луначарского на педагогических курсах в Москве в 1918 году. Как ставился тогда вопрос о соотношении национального и интернационального? Вот что говорит Луначарский: «Нужно воспитание *интернациональное, человеческое*. Воспитывать нужно человека, которому ничто человеческое не было бы чуждо, для которого каждый человек, к какой бы он нации не принадлежал, есть брат, который абсолютно одинаково любит каждую саженку общего земного шара...»

А у Сталина: «Ни пяди земли!» — но только русской! Это же другое восприятие! Луначарский, говоря о пристрастии к русской речи, к русской природе, говорит: «Это иррациональное пристрастие, с которым, быть может, не надо бороться, если в нем нет ограниченности, но которое отнюдь не надо воспитывать». Тогда искренне верить, что национализм — это основа всех будущих войн, всех столкновений, всех раздоров, особенно опасных в такой стране, как Россия. И мы это сейчас очень остро чувствуем по целому ряду проявлений: крымские татары, Прибалтика, Закавказье...

Но что позволило Сталину и его сторонникам навязать свою концепцию государства как арбитра и инструмента для решения задач социалистического строительства? Сейчас полемика идет вокруг личностей, и схема примерно та-

кова: не выполнили завещание Ленина, и поэтому все так произошло. Не в этом дело. Да, действительно, не выполнили. Но почему не выполнили? Не Сталин, а почему Сталин? Это надо уяснить.

— Продолжая эту мысль, объективное историческое развитие и привело к возникновению нынешней новой концепции. Если мы оставили идею мировой революции, идею единого социалистического общества на земном шаре, то сегодня мы пришли к идее длительного, по крайней мере, сосуществования общества с различным общественным строем, с различными системами ценностей, культурами, с разным вектором развития. К идее об их взаимодополнении, с разделением «разрешающих способностей».

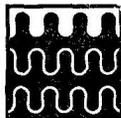
— Кстати говоря, М. С. Горбачев подчеркивает, что еще в 1955 году в манифесте Рассела и других было сказано, что победителей в ядерный век не будет. В старой редакции Программы партии мы говорили, что неизбежности войны нет, но если империализм развяжет войну, мы ответим ударом и похороним империализм. Но теперь все изменилось. В своей книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» М. С. Горбачев впервые говорит, что мы сейчас — связка альпинистов: либо мы все выживем, либо вместе погибнем. Безопасность невелика. И дальше говорится, что Ленин умел видеть дальше классовых интересов. «Не правильно ли будет перешагнуть через то, что нас разделяет, ради общечеловеческих интересов, ради жизни на земле?»

Это, по сути дела, революция в сознании. Если М. С. Горбачев признает, что СССР в одиночку не в состоянии решать глобальные проблемы, то раньше у нас была обратная концепция...

Даже положение о мирном сосуществовании в принятой в 60-х годах Программе КПСС звучало так: особая форма классовой борьбы.

Взгляд через призму чисто классовых интересов сказывается до настоящего времени, хотя сам принцип классовой борьбы — пока в мире существуют классы — отрицать было бы нелепо. Другое дело — превращать этот принцип в дог-

(Окончание на стр. 33)

ТРОЙНОЙ ПРЫЖОК

Разговоры о власти — вдали от Москвы

ГЛАВ ПАВАОВСКИЙ

Есть ли у перестройки концепция? Получить ответ на этот вопрос нелегко даже в условиях гласности, обычные формы которой — дискуссии, митинги, круглые столы — мало пригодны для размышлений. А что делают теоретики — социологи, экономисты — когда не заняты в диспутах и не сочиняют статьи в газету? В апреле в сибирском Академгородке состоялся семинар социологов, посвященный целям, движущим силам и условиям успеха перестройки; туда вылетел наш корреспондент...

...В самолете. Сосед слева, видимо, социолог.

— Не рассчитывайте услышать от нас что-либо разумное! И вы, и теоретики, все мы ретранслируем набор представлений, принятых нашей системой... А как реально она устроена? Как она работает, что нам готовит?

Идеал нашей системы, в момент ее возникновения предполагал близкую мировую революцию. Импульс был задан, система сложилась вокруг этого центра — а он выветрился, опустел, вымер. Идеальная функция мертва, зато сложилась и отвердела структуры, необъяснимые вне этой функции. Поглядите, что нам лучше всего дается? Переделать, отсечь, сломить, вытравить, зашитить... словарь дантиста! Единственное, чего мы не умеем — мириться с существованием автономных, своеобразных элементов внутри системы.

Мы поставили себе целью достичь социальной однородности — и достигли этой цели. Но вот беда: однородность — преграда развитию! Всюду в мире, даже у нас идет процесс легализации личности, человеческого «я», как источника развития. Главная линия экономики будущего определилась — а мы не имеем легальной базы для роста лично-

сти. Нам негде и не в чем себя проявить, ни в пространстве, ни во времени. Зато мы все однородны, чудовищно однородны!..

Вот вы, например, — кто вы такой? Как вам узнать себя, определиться в культурном, социальном, экономическом пространстве? Путь нет. Легальных, во всяком случае. У каждого человека не хватает именно того, что ему лично необходимо: у министра нет компетенции, у бродяги — свободы... Культурных механизмов компенсации этих нехваток тоже нет: фантастические внутренние напряжения людям снимать нечем. Растет угроза деградации, срывов, массовых деструктивных движений... Но кто всем этим озабочен?

Только не социолог!

«Жесткий рынок и сильная полиция»: тупики централизованной перестройки

...Академгородок; конференц-зал Дома ученых.

Борис Львин и Сергей Васильев, молодые социологи из Ленинграда с некоторой опаской занимают трибуну: ауди-

тория только что согнала с нее предыдущего оратора, и теперь еще явно жаждет крови.

— Перестройка наносит серии ударов в неожиданные точки, повышая вероятность прорыва на одной из них. Следствием этого является стохастичность процесса и, следовательно, его необратимость: возврат назад исключен. Задумавшись же над тем, каким может быть сценарий будущего развития... Мы можем предположить своего рода кризис, выходям из которого станет углубление реформы на путях ее радикализации и, одновременно, ужесточения.

Истоки кризиса — в разделении волеизъявления и ответственности. Несмотря на все реформы, верх остается единственной инстанцией, несущей ответственность; но тот, кого благодарят за каждый восход солнца, должен быть готов к упрекам за каждый его закат! В наших условиях все частные споры и противоречия выступают как вызов системе в целом. Всякая спонтанно возникающая группа — клуб, профсоюз, добровольное общество невольно воспринимается как альтернативная партия, рвущаяся к власти, хотя это вовсе не так. Демократизация поэтому ведет к эскалации требований, которые приобретают политическую окраску со всеми непредсказуемыми и неадекватными последствиями. Можно предположить, что в какой-то момент гласность, свободная от ответственности, обострит противоречия в обществе настолько, что произойдет резкое усиление центральной власти. Под руководством этой укрепившейся, сильной власти и будет проходить строительство новой, ответственной демократии. Рецепт, который мы можем предложить для нашего общества в этом случае, таков: жесткий рынок плюс сильная полиция!

Кстати,— если национальный вопрос не найдет демократического решения, он-то и может явиться основой изложенного здесь сценария.

...Фойе.

Только что надерзившие и заметно возбужденные ленинградцы выходят из зала. Сможет ли Васильев объяснить мне ученое слово «стохастичность»?

— Перестройка начиналась по аппа-

ратному плану. Это значит, у вас есть план реформы, разработанный вместе с бюрократией, его исковерканный и тем самым безопасный для нее. Она готовит контрмеры. И тогда вы действуете вне плана! На страну обрушивается волна изменений, которые предвидеть и блокировать просто невозможно. Эти изменения подхватывает и усиливает пресса. По отдельной статье можно дать залп — а по всем сразу?.. Демократия сегодня вводится не экономически, как бы «авансом». Административная система подточена уже тем, что ее ежедневно дискредитируют в общественном мнении. Ей нее не верят. В нее не верят даже министры! Раз антиведомственное сознание проникло в ведомства, попытка примитивной реставрации заведомо обречена. Поезд уже набрал скорость, и единственное, что может сделать реакция, это сплхнуть его под откос, но ведь и они в том же поезде...

Включается Лыбин:

— Самая популярная из свобод в нашем обществе — свобода от ответственности. Никто не обсуждает, например, вопрос, как распределять бюджет, какие назначать налоги — главные темы политических дискуссий в любом демократическом обществе. Никто не ощущает ответственности за целое, да и не мог бы эту ответственность реализовать. Политика и экономика рассогласованы. Политика носит разговорный характер, экономика — технократический и формальный. Поэтому рост демократических возможностей превращается в движение требований, ничем не подкрепленных.

— То, о чем вы говорите, проявляется и в жизни неформальных общественных групп...

— Именно потому мы в Ленинграде, создавая свой клуб — он называется «Синтез» — заложили в устав сознательное ограничение формально-демократических процедур. Наш клуб немассовый, и мы пресекаем демагогию, которая захлестывает иные ленинградские клубы, где «все имеют право сказать!» Но наше понимание демократии другое, думаю, более точное: если тебе не нравится то, что делаю я — проваливай, говори и делай по-своему где хочешь! Ответственного понимания демократии как

системы самоограничений и компромиссов — этого у нас еще нет. А есть беспочвенное нетерпение, основанное на мнимой очевидности предстоящих реформ. Такая ситуация постоянно чревата кризисом, а экономическая реформа требует затягивания поясов.

..Поверьте, больше всего я хочу мягкого перехода к демократии. Но история учит, что мягкий переход — всегда переход вторичный, вслед конкистадорам-первопроходцам. Англия и Франция пролили реки крови для утверждения западной демократии — и только затем стал осуществим плавный переход к ней где-нибудь в Скандинавии. Но мы, к сожалению, опять идем первыми, и нам придется ломать сопротивление самих себя. Власть должна суметь противостоять эксцессам демократизации — разорительным забастовкам, демонстрациям протеста...

— И все-таки, не поискать ли нам альтернативы предложенному вами сценарию? Говоря «власть», вы подразумеваете — «центр». Но, быть может, неразрешимое центром разрешимо на местах?

— Пускай скажет Васильев — он как раз заведует лабораторией региональных проблем.

— Говоря о «местах», вы намекаете на эстонскую модель регионального хозрасчета? Честно говоря, я боюсь всякого усиления местного аппарата в случае, если тот получит в свои руки еще и независимые материальные ресурсы. В сущности, что у нас происходит? Идет мучительный процесс перерождения бюрократии. То, чего бы она не потерпела три года назад, она вынуждена сегодня принимать как данность. Возьмите Ленинград и поглядите, что происходит с аппаратом, понавшим под пресс местной общественности: бюрократия цивилизуется! Когда массы активны, зубры и монстры вымываются из аппарата — их сменяют люди, идущие на компромисс. А люди, способные к компромиссу — это уже надежда. Потому что тогда и в неформальном движении верх берут сторонники компромисса. И в Ленинграде они — довольно заметная сила...

— А разве Ленинград — не «региональный вариант»?

— Я не отрицаю того, что взаимодей-

ствие на региональном уровне эффективней нажима из центра. Но для этого нужно время. Перенос противоречий на уровень регионов и областей — это путь оттягивания кризиса для формирования каких-то новых демократических структур. Шансы на это есть. Если бы сильная власть могла опираться на поддержку неформальных движений, консенсус в обществе мог бы быть достигнут, а интеллигенция успела бы консолидироваться и выдвинуть альтернативу. Но при этом остается угроза «пата», равновесия сил. Если больше сил наберет демократия, победит она. Если перевесит аппарат, то демократические структуры будут разрушены — и все, включая сам аппарат, окажутся в тушке. Тут уж силового развития не миновать...

Перестройка по-эстонски: шаг к территориальному плюрализму

...Фойе, но другое.

Семинар в конференц-зале продолжается, но участники мало-помалу отключаются в другие места, занимают фойе и маленькие аудитории, импровизируя менее академические обсуждения тех же проблем. Здесь ожидают рассказ Ивара Райга, таллинского социолога про «эстонское чудо», которое и без того уже у всех на устах.

— Некоторые регионы страны явно подошли к порогу нового этапа перестройки. Один из них, Эстония, прошлой осенью выдвинула концепцию следующего этапа — региональный хозрасчет. Идея радикально расширяет возможности эстонского региона в распоряжении экономической, в социальной и культурной политике. Все взаимоотношения республики с другими регионами, независимо от того, находятся они внутри Союза или вне его, будут строиться на основе партнерства и полного хозяйственного расчета. Вся экономика на территории Эстонии, за исключением военно-стратегических производств, переходит в распоряжение местных властей, — при этом сами власти будут взаимодействовать между собой также на партнерской, а не командной основе.

Ленинградские социологи говорят, что за перестройку целиком и полностью — лишь тонкий слой интеллигенции. Говорят, что идет борьба между прогрессивными и реакционными вариантами перестройки. Но в Эстонии выбор сделан. Эстония выбрала путь перестройки: децентрализацию, демократию и хозрасчет. Перестройка в Эстонии — это народное движение, у которого практически нет противников — та самая «перестройка снизу», о которой говорил М. С. Горбачев. Народом выдвинуто предложение избрать авторов идеи регионального хозрасчета в депутаты Верховного Совета Республики. Идея обсуждалась на съездах творческих союзов и поддержана ими как единственное решение накопившихся в республике проблем. Недавний пленум творческих союзов высказался за демократическую децентрализованную перестройку, где главную роль будет играть народ и общественное мнение.

Идея регионального хозрасчета не ложна: она имеет под собой солидную теоретическое обеспечение. Для ее воплощения уже создана официальная группа при Институте Экономики. Совет Министров Эстонии, который сперва отверг идею, под давлением народа выделил деньги для создания этой группы и штат сотрудников. Но есть и неофициальные группы ученых, занимающихся тем же. Создан совет для координации усилий официальных и неофициальных научных сил, а при нем — пресс-группа, доводящая сведения о ходе работ до каждого эстонца. К участию в этих трудах мы приглашаем ученых из всех регионов страны, ибо второй этап перестройки — не только эстонская проблема. Решается судьба перестройки! Эстония уже тридцать лет является полигоном экономических экспериментов для всего Союза — теперь она готова стать экспериментальным полигоном перестройки.

Там же. Подхожу к докладчику.

— Ивар, возьмем быка за рога: «региональный хозрасчет» — это, фактически, местная перестройка. Не будет ли первый истинно автономный регион в стране изолирован от ее жизни, по причине скорей психологическим и политическим, чем хозяйственным?

— Я утверждаю, что единый механизм управления всей страной от Камчатки до острова Сааремаа — абсурд. Региональные различия существуют сегодня, они существовали всегда, даже до революции — и они развиваются, а не исчезают. Надо принципиально изменить отношения центра и регионов. Я думаю, они должны строиться подобно отношениям СССР со странами Восточной Европы. Сегодня все реально мыслящие люди понимают расстановку сил в мире: никто не жаждет национальной изоляции. Ключ нашей идеи — партнерство, взаимовыгодное равенство сторон, лучшее использование ресурсов республики.

— В таком случае, обязательно ли границам хозрасчетных регионов — если их станет много — совпадать с границами национальных республик?

— Разумеется, нет. Но надо с чего-то начать. Почему не использовать движущий импульс единой национальной территории? Национальным чувствам необходимо конструктивное приложение, выход в живое общее дело. Тогда духовные ресурсы республики превращаются в двигатель экономического развития СССР. В дальнейшем возникнут регионы с другими очертаниями, допустим — Ленинградская и Псковская область, Латвия и Литва могут составить единый хозрасчетный регион. Своего рода социалистический федерализм, но на современной основе.

И, кстати, почему идею рассматривают только в свете взаимоотношений Москвы и республик? Реформа затронет всю цепочку взаимоотношений республика — район — предприятие — личность.

— Вы имеете в виду, что суверенным становится не только республиканское руководство?

— Конечно! Сегодня наш министр командует нами и сам получает команды сверху — завтра он не сможет командовать даже у себя в республике.

Суть идеи — новое территориальное сотрудничество. Здесь мы станем ориентироваться не на отрасль, не на звено управления, а на основное территориальное ядро, — самовоспроизводящую ячейку общества. Это, кстати, актуально не только для малой Эстонии сколько для большой России: найти ту элементарную общность, в которой интегрированы все

элементы территории, экономики, и власти. Пока такой единицы нет, социальная политика — это фраза без поддежащего. Все, чего мы ищем в экономике — самофинансирование, самоокупаемость — возможно только в интегрированных, компактных территориальных общностях.

Я думаю, вражда к местной автономии — пережиток имперского сознания, которому всюду чуждыся «сепаратизм». Но сегодня сила государства складывается из силы его свободных, суверенных частей. А бюрократическая идеология, рассматривающая все земли державы как объект манипуляций для столичной бюрократии — антиобщественна, да и разорительна для экономики современного типа.

— Но по отношению к центральной власти всякая республика неизбежно будет представляться «окраиной», а местное своеобычие — «сепаратизмом». Насколько ваша модель позволяет переосмыслить и место центральной власти?

— Я сам опасаясь, что идею регионального хозрасчета скомпрометируют, если она будет предлагаться только национальными республиками. Интересной и перспективной мне кажется идея создания таких же экспериментальных зон на территории РСФСР: если дело движется в центре и сам центр децентрализуется, то вопрос об «окраинах» решится сам собой. Кстати, на недавнем пленуме творческих союзов Эстонии выдвигалось предложение о создании Российской коммунистической партии, с тем, чтобы в Москве находился координационный центр союза республиканских коммунистических партий. Нам необходимо разработать механизм внутрисюзной координации вместо командного механизма. Насколько я знаю, при Академии Наук СССР уже создан совет по региональным программам.

— Ваши коллеги на семинаре говорят о перестройке почти исключительно как о внутреннем процессе. Между тем, известно, что началась она в немалой мере из-за обеспокоенности за место СССР в мире, и быстро превратилась в заметный мировой процесс...

— Мы в ЭССР никогда не упускаем из виду международный аспект. Идет процесс интернационализации мировой экономики. Без разделения труда между

политическими системами немислимо дальнейшее развитие. Региональный хозрасчет предполагает широкое развитие связей региона как внутри страны, так и вне ее. Надо иметь в виду, что западные фирмы с осторожностью относятся к сотрудничеству с нами. И можно предположить, что совместные предприятия будут возникать с большей легкостью в условиях регионального хозрасчета. Надо учесть, что для Запада Прибалтика представляет меньший риск в отношении транспортных расходов, подготовленности кадров и т. д. Не исключается и создание экономических зон, где зарубежный капитал будет действовать на льготных условиях. И эти же совместные предприятия для остальной страны будут являться спонсором научно-технического прогресса. Мы хотим изменить производственную структуру Эстонии, взяв курс на создание наукоемких отраслей производства, новых технологий. Эстония готова поставлять и обучать современные кадры для всей страны, обслуживая потребности СССР по модернизации экономики и управления.

Но регионализация экономики предполагает и регионализацию международных связей. Оставляя прежнюю провинциальную замкнутость, многие внутренние районы СССР, могут напрямую включиться в мировое развитие. Например, очевидно, что сибирские регионы тяготеют к Японии — стране самой передовой технологии, высокой культуры производства. Однако известно, что японская система управления предприятием, в силу ее специфики, плохо прививается в Европе — а вдруг на Дальнем Востоке СССР эффект окажется положительным? Разве не стоит проверить?

Или вот: все расхваливают «китайский путь», с его блестящими результатами в аграрном производстве. Тут даже кто-то воскликнул: китайским путем — к шведской модели социализма! Но в Эстонии, где на селе осталось лишь 28 процентов населения, использовать китайский опыт было бы безумием — зато может быть, он привьется в трудоизбыточной Средней Азии, имеющей, к тому же старинные этнокультурные связи с Китаем?..

Сколько ни удачен передовой опыт одной страны, он не может быть равно

пригоден всем народам и землям. Перестройка открывает возможность свободного обмена опытом, с тем, чтобы местные различия обогащались теми элементами мирового развития, которые им ближе по обычаям, природе и духу.

Вопрос о власти:

«сильная полиция» — или региональная политика?

...Фойе.

Фридрих Маркович Бородин, доктор наук, заведующий отделением социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР — пост, лишь недавно покинутый академиком Татьяной Ивановной Заславской, — размышляет о круге тем семинара:

— Политика, власть, социальная политика. Ключевым словом при этом, конечно, является власть. О власти здесь говорили, власти побывались, власть наблюдали в зале...

— Можно ли сказать, что социологи ставят вопрос о власти?

— Едва ли. Наше представление о власти бестелесно, оно предполагает равномерно разлитую повсюду и равнокомпетентную силу. Поскребите современное представление о «демократизации» — и тут же вылезет идея всевильной центральной власти. А где гражданские взаимоотношения? Где территориальные связи? Все вытеснила аксиома безличной власти... Простите, меня ждут в зале: мой доклад.

...Конференц-зал.

— Политология заглядывает в интимные уголки власти и объявляет социальной патологией явления и процессы, в которых кровно заинтересованы те, кто пользуется их плодами.

...Что значит власть? Это способность и возможность одной общественной группы навязать свою волю другим с помощью любых доступных средств и способов, от законодательного подчинения большинству до диктатуры и террора. Воля, навязываемая при реализации власти, может быть специализированной, ограничиваясь какой-либо сферой — экономикой или культурой; территорией или

ведомством. В соответствии с этим, и политика может быть, во-первых, специализированной, во-вторых, рассчитанной на определенное географическое и организационное пространство. Сюда относятся и социальная политика — осуществление власти в области материального потребления, в условиях труда и быта в духовном развитии и материальных условиях для него.

...Кто у нас осуществляет социальную политику? Какие группы имеют прямое, легальное отношение к распределению денежных доходов и материальных ценностей? Какие группы занимают позиции более высокого, а какие — более низкого качества? До сих пор обнаружилось три различных, хотя и сильно взаимодействующих системы таких групп: группы иерархии партийно-государственного аппарата, группы управления отраслевых министерств и ведомств и группы, имеющие прямое отношение к реализации и распределению благ — например, работники торговли, общественного питания, здравоохранения. Именно эти группы на протяжении нескольких десятилетий имеют преимущественные позиции в удовлетворении своих потребностей и отстаивании своих интересов.

...Я допускаю, что уровень должностной позиции в определенной мере отражает количество и качество труда, затрачиваемое работником. Кто знает, — может быть даже, что разрыв в потреблении в ряде случаев недостаточно велик? Во всяком случае, группы руководителей, которым мне приходилось докладывать эти данные, отстаивали именно такой тезис — о недостаточной компенсации их усилий и морально-психических издержек. Из объективной ситуации однако следует ряд выводов, которые необходимо сделать.

Во-первых, любая социальная политика — это деятельность по установлению и поддержанию неравного положения групп в социальной сфере. Во-вторых, проводившаяся у нас на протяжении десятилетий социальная политика была нацелена на сохранение выгоднейших социальных позиций за верхними эшелонами управления как в партийно-государственном аппарате, так и в аппарате производственного управления, — что рас-

ходилось с официальными лозунгами явным для всех образом. Гласность в социальной сфере отсутствовала. Что же значит перестройка социальной политики?

Необходимо, чтобы власть в социальной сфере попала в руки тех, кто приводит капитал в движение. Непосредственно масса реализовать эту власть не может: представителями массы могут и должны быть организации формального и неформального характера. Но можно предвидеть, что какая группа ни встанет у власти в сфере распределения социальных благ, она попытается закрепить свое положение. Единственное радикальное решение здесь — отделение исполнителей от законодателей, т. е. разделение исполнительной и законодательной власти.

Сюда же относится задача отвоевания власти в социальной сфере у отраслевых министерств и ведомств. Наше правительство сегодня является одним из немногих правительств в мире, состоящим из руководителей крупнейших на Земле производственных монополий — министерств. Надо вывести этот «бюрократический бизнес» из состава правительства, сделав ведомства конторами при правительстве. Такая акция должна быть совмещена с принятием законодательства, поощряющего создание и деятельность независимых горизонтальных структур. Это изменит положение местных Советов — сегодня нищих, безвластных организаций.

Наконец, социальная политика нуждается в гласном обсуждении ее существа и последствий. До сих пор нет устойчивых данных о дифференциации благосостояния различных социальных групп: там, где эти данные собираются, они закрыты. Социальное благосостояние многих групп и его источники остаются вне контроля. Итак, назрела ревизия механизма распределения социальных благ. Социологи должны добиться регулярных обследований уровня и источников благосостояния профессионально-должностных и территориальных групп по всем регионам, с публикацией данных в печати. Один этот шаг оздоровит социальную атмосферу. Но предложение о нем встретит яростное сопротивление социально сильных групп...

...Снова фойе.

— Фридрих Маркович, правильно ли я понял, что вы предлагаете обследовать политическую и административно-хозяйственную элиту?

— Мы говорим о сильной, коренной перестройке, называя ее метафорически «революционной». Значит, перестройка должна дать новую социальную политику, изменив субъект этой политики. Оставив прежнего субъекта, мы не сможем ни целей, ни средств; мы вообще не добьемся информации о соотношении сил в социальной сфере. Началом, думаю, должно быть политическое решение, принятое на высшем уровне — партконференция или съезд — о публичном обследовании условий жизни различных социальных групп. Обществу необходимы сведения для того, чтобы сформировать нравственную оценку жизни тех и других. Есть два способа сменить субъекта власти: **революция снизу и реформация сверху**; но реформация нуждается в понимании. Если мы не хотим разнуждать стихии слепых страстей, не хотим социальной катастрофы, мы должны увидеть реальность.

— Вы не опасаетесь взрыва эмоций по поводу обнаружившегося неравенства?

— Я не думаю, что тот, кто живет плохо, столь неистов, что кинется «отнимать да делить». И я не думаю, что те, кто сегодня живет богато, будут столь глупы и неосторожны, что пренебрегут оглаской данных о росте разрыва в доходах, переходящем разумные рамки. Неравенство в той или иной форме будет всегда, но оно должно быть гласным, открытым для компенсации и, в этом смысле, **справедливым неравенством**. Каждый гражданин имеет право знать, кто и почему много потребляет, чтобы принять решение: хочет он добиваться включения в состав социально сильных групп или нет? И начинать надо с введения прогрессивного подоходного налога и обязательной декларации о доходах для всех категорий лиц — с последующей обработкой и публикацией полученных данных. Особенно это должно касаться социально-должностных групп.

— Вы говорили о «справедливом неравенстве». На какой стороне этого неравенства находится народ?

— На обеих. Когда говорят, что субъектом социальной политики должен выступать «народ», это пустая фраза: когда «все удовлетворены» нет никакой социальной политики, а есть негласный и нелегальный дележ выгод от обладания властью. Общество — разное, и социальная политика — политика по утверждению и воспроизводству неравенства внутри народа. Не только социально, но и территориально социальная политика различается: в Москве одна, в Средней Азии другая. И в каждом случае найти истинного субъекта власти отнюдь не легко.

Возьмите чудовищное ханство Адыл-ова в Узбекистане: вот вам один субъект власти. А взгляните на Москву, где не было таких орвелловских сюжетов, зато Москва превратилась в гигантский спецраспределитель, со своими субъектами власти, запустившими руку прямо в сферу распределения. А тем временем административный миф утверждает «единство народа» и, на этом основании, унифицирует систему управления.

Когда я был в Германии, в Дуйсбурге, я спросил — какая у вас типовая структура управления городом?.. Меня просто не поняли! Оказалось, что таковой у них нет совсем, — это у нас для того, чтобы город образовал лишний отдел в исполкоме, он должен кланяться Москве. И вот, город Архангельск и город Иркутск, расположенные в разных зонах, не имея между собой почти ничего общего, имеют идентичный горисполком. Что сие значит?

Что реально эта схема не работает, а работает какая-то теневая, о которой мы ничего не знаем, потому что не признаем ее реальности.

— Итак, вы за регионализацию власти?

— Перестройка должна идти на местах. Нет и не может быть единого хозяйственного механизма для СССР, как не может быть и единой реформы для республики с такими различиями, как РСФСР. Необходим известный **территориальный плюрализм**, исходящий из понимания, что нет ни «единого народа», ни «единого населения», ни «единых социальных условий».

Конечно, здесь встанет вопрос о готовности тех или иных земель к автономии. Нужно найти области, которые го-

товы к «индивидуализации», которые могут получить местное научное обеспечение, экономические ресурсы. И — дать им двинуться вперед самим, без оглядки на центральную власть. Когда в стране появятся территориальные коллективы, появится условие для рождения совершенно нового субъекта власти в социальной сфере. Тогда представительства от территориальных коллективов, от производств, от кооперативов составят то, что можно назвать местным «правительством». Вырастающим снизу, а не насаждаемым сверху!

— Не приведет ли это к усилению теневых, мафиозных структур?

— Городские и областные Советы уже поднимают голову. Восстановление власти Советов не усилит власть местных мафий, а разрушит ее. Суть этого изменения структуры власти — отстригание вертикальных тяжей из центра и превращение театра марионеток в театр живых действующих лиц. В то время, как отстригаются вертикали, по горизонтали образуются новые, демократические связи. Закон о кооперации — шаг к устройству необъятного множества всевозможных горизонтальных структур. В социальной сфере должно становиться все больше **субъектов разнообразной власти!**

Я считаю, что кооперативная деятельность, деятельность по созданию региональных, неформальных структур, где каждый из подчиняющихся равен тому, кому он подчиняется, создают у нас новый тип власти: **децентрализованную власть**. Это тоже навязывание воли, но навязывание невоенное, не давлением из центра, а добровольное, на основе консенсуса. При этом элементы власти создаются группой добровольно — для сплочения группы. Зачем навязывать волю, если она и так осуществляется?

— Мы в Сибири. Возникают ли и здесь элементы регионального самоуправления?

— Представьте: я сопредседатель Ассоциации сибирских городов. Это первая в Сибири горизонтальная структура с постепенно расширяющейся компетенцией. Членами ее являются горисполкомы. В этом году Ассоциация превратилась в юридическое лицо. Цель ее на первых порах — наладить прямое личное общение сибирских мэров, узнать

нужды друг друга и попытаться помочь друг другу без обращения в Москву. Руководители городов осознают себя силой, вырабатывающей правила, не подчиняясь друг другу, а на основе консенсуса. Вот вам децентрализованная власть, ограниченная территорией и поставленная на региональную почву! И одна из функций социологии показывать, что это возможно. Что в наших делах нет фатальности, которая высказана в докладе ленинградцев. Что альтернатива — есть...

* * *

В самолете. Летим в Москву.

— Что вы скажете о семинаре?

— Заметен вкус к небанальным идеям. Мне кажется, наши суждения о перестройке долго были упрощены. «Сторонники перестройки», «противники перестройки» — так рассуждать уже невозможно. Сложилась редко бывающая в истории ситуация, когда собственно говоря, защитников старого порядка нет. Все его противники — все за перестройку. Но за какую?

Есть разные варианты перестройки, в том числе тоталитарные либо охлократические. А если вы наложите на этот разброс еще и территориальные различия? В эстонском случае это усиливает демократический Народный фронт, в других — вспомним Адылова! — все может повернуться по-другому. Главная

трудность великих реформ — найти формулу перехода, «перепрыгнуть пропасть в три прыжка». И тут эстонский вариант подсказывает путь решения. Те районы, которые созрели, можно переводить на режим региональной автономии и предоставлять им самим двигаться вглубь перестройки.

Но необходимы разработки, необходимы конкретные гарантии сохранности того, что мы делаем. Перестройка должна быть защищена своей органичностью, а не только личностью лидера. Здесь интеллигенции мало чем гордиться. Пройденный путь — пройден властью, а не наукой; наука едва ковыляет вслед. Сегодня нам необходимо помочь власти создать социальный проект многоступенчатой, децентрализованной реформы — но и власть должна суметь нам это позволить. А пока что мы имеем право и должны разрабатывать этот проект сами.

— Создавать заказчика?

— Да, создавать заказчика, создать социального субъекта. У нас мало что есть; нет независимой экспериментальной базы, нет денег, нет привычки работать, не дожидаясь приказа...

— Что же есть?

— Мозги!.. И у тех, у кого они остались от прежней эпохи, есть долг перестройку интеллектуально обеспечить. А если мы этого не сделаем — нас надо судить.

(Окончание со стр. 24)

му, видеть в инакомыслии в партии, обществе или науке социалистического общества проявление борьбы каких-то «противоборствующих классов», агентов иностранных разведок, потомков кулаков, изпманов и басмачей. И я глубоко убежден, что неприятие некоторыми кругами, (особенно в идеологической сфере) свежих идей Горбачева связано с этим стереотипом мышления, потому что столько лет нам внушали: «только класс», «кому выгодно?», «с кем вы, мастера культуры?», «по какую сторону баррикад?» Все строилось в одном черно-белом измерении, и все оттенки пропадали.

Очень часто полемика противников и сторонников перестройки опять идет по накатанной колее стереотипов, к которым относятся с религиозным шнкетом: «Вы что, против диктатуры пролетариата?», «Вы играете на руку!», «Вы льете на мельницу!», но, в отличие от 20-х и начала 30-х годов, когда в это многие коммунисты верили искренне, сегодня демагогия в духе мировой революции — лишь идеологический флер касты бюрократов, пытающихся революционной фразой прикрыть вполне шкурные интересы номенклатуры, паразитирующей на великой идее.

Беседу вел
Вячеслав ИГРУНОВ

ПЕРЕСТРОЙКА ИЛИ ПЕРЕПУТЬЕ?

Михаил ГЕФТЕР

...А может, не «или», а «и»?

Даль поясняет: перепутье — «раздорожница, перекресток, где один путь лежит поперек другого». Но есть еще значения — время и действие переезда.

Два значения — и три драматических, внезапных года, аукнувшихся в Мире... Откуда же это взялось?

* * *

Первую фазу после памятного апреля я бы назвал «андроповской». К руководству пришел человек, который моложе предшественника. Он полон уверенности и готов продолжить начатое, но смелее, быстрее: пресечь вакханалию казнокрадств, неисполняемых решений, очистить администрацию от некомпетентных и разложившихся людей, поставить заслон эпидемии пьянства, охватившей чуть не все трудовое население, — мало ли этого, чтобы стронуть с места все?

И от слов к делу в мировых отношениях: укрепить, удешевить свою безопасность, вложившись (по собственной воле!) в безопасность тех, кого не один лишь генштаб мыслил потенциальным врагом на поле ядерного и «обычного» боя. Сдвиг, если не больше, если не дальше!

Внешней политикой Михаил Горбачев заглянул в XXI век. А внутренней? Сопали ли краткосрочные усилия, при-

ложенные к соотечественникам, с переманами, поставившими на ноги официальный и неформальный Запад, — складывались ли те и другие в контуры нового целого? На этот вопрос ответил Чернобыль. Прозвучал не просто сигнал бедствия — открылись его размеры.

Сознание того, что начало, предоставленное самому себе, пойдет по затухающей, пришло не сразу. Надо было увидеть воочию бездну бездеятельности, мафиозности, непослушания, — и не в одиночку разглядеть ее, вчитываясь в донесения следователей по особо важным делам. Не в одиночку, но и не со всеми вместе; нет для этого готового навыка, а препоны сильнее обретенной власти. Так родилась гласность; импровизация, получившая самостоятельную жизнь, не совпадающую с инерцией всеобщих будней.

Еще не «перекресток, где один путь лежит поперек другого», но близко к этому — и эта близость **страшит** одних, других **тревожит**: почти синонимы эти слова, но люди за ними стоящие, — разные, и разница эта растет вширь и вглубь.

...Отчего-то пришел на память человек из тех, кто, не приняв нашей революции, в эмиграции уберег и ум, и совесть. (Пройдет время, надеюсь, узнает Георгия Федотова соотечественник-читатель). Из статьи его под названием «Завтрашний день» — ровно полвека назад: «Оглянемся вокруг нас. Мы живем среди людей, сделавших из отрицания большевизма свое profession de foi (кре-

---

Гефтер Михаил Яковлевич — род в 1918 году; крупный советский историк, специалист по философии истории.

до — Ред.). Людей, которые надеются принять участие в строительстве русской культуры — сами или в лице своих детей. И что же? Политизация свирепствует вокруг, быть может, с не меньшей силой, чем в России или Германии. Люди живут идеей — *idée fixe* — политической борьбы с большевизмом, подчиняя все остальные ценности, даже самые духовные, этой борьбе. В политическом утилитаризме мы не уступаем шестидесятникам. Какое там! В сущности, многие из нас вполне готовы к тоталитарному строю — только, конечно, не к коммунистическому. Для многих важнее не свобода, а символы, во имя которых полирается свобода. Они предпочитают символ нации символу пролетариата, двуглавый орел — серпу и молоту. Вот и всё.

Вот и всё?

Русский эмигрант чуждался политизации в духе «России или Германии», кануна сговора Гитлера со Сталиным. Его пугали дальние последствия утилитаризма предков. У нас, вероятно, другие стимулы, на своей поляне возвращенный духовный опыт. Но, как и Георгий Федотов, мы знаем: ненависть не поддается уговорам. Разбушевавшуюся, ее укротит лишь сила, а применение силы множит рецидивы — и в рецидивисты взаимного отторжения может угодить и сам «порядок» (увлекая за собой хрупкую, еще не научившуюся стоять на собственных ногах, гласность).

...В узбекской трагедии встретились этнос с показухой, родовые узы с «социальными обязательствами». Обыватель ахает, видя конфискованные сокровища, ныне отправляемые в казну. А растленная монокультурой земля, а полуграмотные и больные дети — чье наследство? Власть? Круговой поруки единокровцев, единоверцев?.. Чтобы излечить почву, не истребляя корней, нужно всмотреться в политический строй и в человеческие души. Нужно выслушать каждого! А для этого надо, чтобы каждый смог нестесненно заговорить, не боясь попасть ни в «консерваторы», ни в «авангардисты перестройки», и т. д. и т. п.

Да так ли это просто — высказаться

до конца, пускай даже убраны все «внешние» препятствия? Есть заставы и внутри человека. Тревожные приметы времени: достоверная фальшь, перевертыши вчерашних догм. Некто настаивает: ни шагу с нашей магистрали; другой зовет: вернемся на мировую, но магистраль же — одну для всех и на всех.

Нет, что ни говори, признать исходное равноправие убеждений, не вычеркивая наперед и того, что значится предрассудками, — непривычно, тяжело. Не спутаешь кандалы с веригами, — но держат и те, и другие...

* * *

Мы — современники агонии сталинизма, свидетели ее и участники. Употребляя термины «режим» или даже «система» (административно-командная» взамен сданного в архив «культы личности»), мы еще не дотягиваемся до истинных размеров явления, до первичности его в ряду родственных и производных феноменов нынешнего столетия.

Первичность связана с масштабом, измеряемым гекатомбами человеческих трупов. Она — в субъекте, но кто субъект? Один Иосиф Джугашвили? Одно лишь замкнутое пространство его психики, где безмерное властолюбие уживалось с патологическими страхами, с неуходящим «комплексом ненужности», а банальность кровавых преступлений — с изощренным искусством манипулирования живыми людьми? Одно это — его пространство? Или еще и другое — **евразийская громада**, сотканная из разных языков и цивилизаций, но сведенная к одному знаменателю всеобъемлющей и всепроникающей властью? Итог — не монолит, итог — кентавр: жесткая сцепка двух пространств, при которой «паранойя» одного исторического персонажа довела едва не до абсолюта закрытость огромного деятельного целого.

Я не рассматриваю сейчас летопись «закрытия России». Не в один день, не в один год все сцепилось. Были и преграды и откаты. Если замкнутость питалась «окружением» (питалась — и питала его!), то и нивелировка, унификация, равной которой, вероятно, не зна-

ло наше столетие вбирала в себя (и рас- творяла в себе!) начатое революцией пробуждение окраин, ренессанс задви- нутых наций... И когда сцепились на- мертво замкнутость с выравниванием (совпав волею рока с первым актом ядерного Мира), — началась агония. Ис- торик скажет: закон феномена! Стано- вясь равным себе, в кульминации могу- щества, он сам обречен: обречен, не отступая, вовлекая и в умирание свое асех, кого изувечил, примучил, возведя в «со-могущественники».

Закон — и тут же загадка, разгады- вать которую также не один год. 1956-й; XX съезд: неожиданный Уруцев. Им распакнутые ворота сталинских лагерей, им спасенные жизни, на миг возвращен- ная память — забудется ли такое, уме- стится ли в равнодушную строчку «реа- билитации»? И им же приоткрытые две- ри в Мир — больше для самого себя, но и это было в новинку, как и непов- торимый праздник первого молодежно- го фестиваля, как и развязка карибского кризиса — самого опасного из пред- дверий ядерной схватки. Развязка сто- ила, можно полагать, жизни Джону Ке- ннеди, но не она ли и в финале Никиты Хрущева?

Замкнутость надломилась, не больше. А нивелировка — ни с места. Здравый почин совнархозов завершился фарсом разделенных обкомов, бунтом функцио- неров, заговором доверенных сподвиж- ников. «Брежневское» двадцатилетие не реанимировало сталинизм, оно лишь на свой лад вложило в его агонию. Вы- равниванию смертью пришел на смену универсализм коррупции, как некогда безумству крестовых походов — про- дажа индульгенций.

Но не упустим и другие, такие несхо- жие между собой лики 70-х, как аме- рикано-советское соглашение о закреп- лении (и повышении!) потолков челове- коуничтожения — и появление в отече- стве нашем новых людей. Людей из всех наших наций, готовых положить жизнь на обновление дома-мира. «Дети XX съезда» перестали быть детьми с рube- жа 1968 года. Но справиться ли было «инакомыслящим» с атавизмом сталин- ской машины, с привычностью страха, с повальной причастностью ко злу? Вы- нужденные перейти к самозащите, они,

вольню или невольню, становились на почву данности противостояния — лич- ной и мировой. Но и этот урок не прош- шел зря. И он, не взвешенный еще, в прологе Апреля.

...Сегодняшний лидер, естественно, не из «диссидентов», хотя и не боится на- рушить «идеологическую чистоту» со- седством с Андреем Сахаровым. Мно- го это или мало? Смотря чем мерить. Не станем преувеличивать; мы, вместе живущие, еще не открылись Миру, по- сколько еще по-настоящему не откры- лись самим себе. Одним закрыто дру- гое. Придет время, и станет обычным право свободного выезда и свободно- го возвращения (непреренно — свобод- ного возвращения!), и тогда действи- тельный и высокий смысл приобретет гражданин СССР... Но уже не просто рубеж перейден — рубикон. Начатое Горбачевым укладывается в слова: де- монтаж «сверхдержав». Он признал на деле: людям не выжить, пока не обор- вется страшная поступь динозавров XX века. Гигантизм сковывает и там, на Западе, где бушует компьютерная эфй- рония. Наш же доморощенный гига- нтизм не выправить ныне любыми спаз- мами подражания, бега вдогонку.

Оно вроде, странно — входя в Мир, сказать себе: нет для нас прецедента. А почему странно? Не войдя, не реши- лись бы даже подумать. Или иллюзия это? Опять-таки, смотря чем мерить. Ежели тем, что именуют «механизмом торможения», всевластием бюрократии, то — химера. Сама по себе бюрократия, если и напасть, то неизбежная. Страш- ной она становится, когда утрачивает свой оптимум. Еще страшнее, если это чудище, распоряжаясь по-прежнему всем и вся, становится одновременно беспомощным.

Конечно, не просто отделить агонию вчерашнего централизма от кризисов **предперестройки**, многие адепты кото- рой ищут выход из трудностей в «цент- ре», без пощады расправляющемся с периферийными саботажниками. Так и впрячь докатимся до «ВЧК перестройки». Но оставим в стороне крайности полемики. Разве не общее место — поиски одного перестроечного решения для всего нашего пространства? Разве не миф «единой перестройки» одолева-

ет наших экономистов, полагающих, что тысячи самофинансирующихся (на один аршин!) предприятий, смогут обеспечить свободную жизнедеятельность миллионов мужчин и женщин, живущих в столь разных условиях — экологических, бытовых, культурных? Осуществись такая «самостоятельность» и нас настигнет новый бюрократизм, подобно тому как гербициды порождают более устойчивые разновидности сорняков...

Нет, так жить не получится. Уже не получается. И тут — раздорожье, приближающее страну к «перекрестку, где один путь лежит поперек другого». Лидер не совпадает с «системой». «Системе» уже мало приоткрыться. Вхождение в Мир настаивает на такой открытости, когда мы должны разрешить себе — подвергнуться «возмущениям», которые сделают «систему» животно (и разумно!) неустойчивой.

Беспокойно? Еще бы! И даже опасно. Но другого хода нет. Другой грозит еще большей опасностью.

* * *

Маленькое отступление на тему, о коей написаны библиотеки. Государство и народовластие — совместны ли? Или неизменно — в споре, который нескончимо переходит в драму? Но вот перевертыш того же вопроса: что было бы с существом, заполнившим планету, если бы не этот спор, не эта драма?

У коммунизма свои жертвы и свои заблуждения. «Отмирание государства» — одно из этих великих заблуждений. Трудно произнести это слово: заблуждение. Ведь без идеи отмирания государства не быть бы Республике Советов. А она для автора, Ленина, — будущее России и Мира, и гарантия от «сплошной поножовщины». Концепция переходит в нравственную санкцию: революция становится новой властью, демократическим левифаном, вбирающим в себя все жизненные интересы. Законотворчество, управление, судебная кара и воспитание — единая субстанция, которая затем, восторжествовав и сотворивши новую жизнь, сама себя упраздняет...

На утопии идеи ее и ухватил Сталин, превративший процесс в середине! Государство схватывается, каменеет в этом статусе; оно проникает в бытие с

рождения каждого и поселяется в нем навсегда. Частная жизнь исчезает. Все-причастность объявляется обязанностью, как воздаяние по труду — «правом» власти распоряжаться способностями любого человека.

Едва ли стоит называть «это» государством. Тут в пору «изобрести» другое понятие, например — **социум власти**. Социум — поскольку не общество. Власть — поскольку, став практически всем, она становится антиподом государства, не давая простора и его эффективному функционированию в необходимых для народа (народов!) пределах и пропорциях. И еще — особая природа человека, возвращенного Сталиным и оставленного им в наследство. Нынешним людям, перед которыми раскрываются тайны тридцатых годов, едва ли удастся понять связь тогдашнего кошмара с тогдашними буднями, в которых оставалось место человеческой солидарности, высоко взмывшей в страданиях нацистского вторжения. И Воркута не вполне Освенцим, но почти, совсем почти...

Сегодня рассказы о пытках, доносах будят уснувшую совесть — и они же повергают ум в безнадежность, неприметно умалая способность нащупать действительный предмет обновления. А им является в первую очередь — государство. Демонтаж «сверхдержавы» следует увязать с демонтажем социума власти, переводя идею в конкретику. Тем паче, что конкретика эта уже растет из новых, незапланированных будней. Кооперативы, неформальные союзы и связи — все это множится в геометрической прогрессии, нуждаясь не только в признании но и в самоведении в «систему».

Императив 80-х: не противостояние, и не обманное единство «сверху донизу», а неуклонно набирающая энергию и силу **консолидация** — добровольная и нравственно опрятная. Она-то и способна сделать «систему» полезно неустойчивой. Ибо все растущее снизу жаждет не слияния, а равноправия «вертикалей», вступающих в диалог между собой и с государством.

Проблема проблем — увязка этих процессов; способ увязки как политическая форма народной жизни... Не здесь ли споткнулась перестройка, не

тут ли буксует «демократизация»? Замена терминов, конечно, не выход, но я бы предпочел иное слово — **суверенизация**. И, разумеется, не в обход многоязычных и разногенезисных этносов и наций. Напротив. Они не единственные искомые суверены, но что без них целое: несовпадающе единая жизнь?

Проблема проблем — и главная болевая точка.

Кто выговорит, не поперхнувшись: я не причастен к мытарствам крымских татар? Кто умоет руки, слыша стоны Сумгаита?

* * *

...Из исподволь назревших — русский национальный вопрос. Со своей социальной спецификой (судьба великорусской деревни). Со своей тревожностью, где сплелись вековые переживания иноземных вторжений и имперского разбегания вширь. Со своей спецификой, которая, однако, выходит за пределы демографии, поскольку затрагивает всех, кто живет рядом и вперемешку. Русский вопрос, а оборот — всеобщий. Домашний, а отзывк — всеветный. Кажется, такой связи нет нигде на Земле... Стать миром в Мире, страню стран, и возродиться государством, которого все еще нет, — двуединая задача, упирающаяся в то, что на языке административного устройства именуется: РСФСР.

Вспомним, что образование Российской федерации — следствие территориального сжатия бывшей империи. В результате революции, а затем гражданской войны временно отпали либо добровольно отложились те или иные ее части, тогда как оставшиеся земли составили сплошную территорию, перенявшую все внешние права и долги России. Затем начался процесс —возврата, соединения — и поиска иных начал, еще не известных Миру. Процедура приобрела поистине планетарное значение, даже в названии отголосок схватки. Ленин предлагал: «Союз Советских Республик Европы и Азии». Думаю, что не разрастание состава он имел в виду, а новизну суверенитета — республик и континентов. Он искал Мир внутри России — эволюционное, «цивилизаторское» продолжение несбывшейся мировой революции.

Безмолвие и смерть оборвали поиски. Мы можем теперь гадать: нашел ли бы он политический эквивалент новому облику Мира, России, социализма. Кажет-

ся, даже настаивая на добровольном объединении, на полном и гарантированном равноправии сторон, — вместо вхождения в «готовую РСФСР» — он едва ли учитывал гигантскую несоразмерность частей, чреватую единодержавием «центра». Сталин и тут, быть может, раньше всего тут, из поражения Ленина сумел извлечь монополию власти — рычаг собственного возвышения и торжества.

Сегодня мы не можем ни вернуться вспять, ни отвернуться от заговорившего вслух этноса. Агония сталинизма — это ведь и треснувшая твердь, в разломы которой вырывается магма, несущая с собой шлаки и грязь. Частные конфликты, вековые распри, территориальные споры трудно, едва ли возможно решать полумерами. На очереди дня — конституционная реформа, а на подступах к ней — открытый референдум, где страдание и даже заблуждение должны получить право голоса, где единственный (и категорический!) запрет: не смей насильничать, не смей звать к насилию. И кровь Сумгаита, и выдержка Степанакерта и Еревана — аргументы; один — в пользу запрета, другой — в пользу законной и нелимитированной открытости.

Издавна, как современника и историка, меня не отпускает мысль: возможно ли мирно и прочно развязать узел наших межнациональных проблем, оставив нетронутой несоразмерность составных частей и упуская из виду давно назревшее **разукрупнение РСФСР!** Национальное здесь (как и повсюду) переплетено с социальными нуждами, с потребностями экономического преобразования. Желая сохранить коллективную собственность, мы обязываемся «звестить» и учредить коллективного суверена — не теоретического, на бумаге, а ощущающего себя таковым на деле. Речь, следовательно, должна идти о грануляции — как собственности, так и суверена. Нужны соразмерно крупным единицы, какими невозможно было бы манипулировать, которые способны были бы на основе прежде всего собственных ресурсов и саморазвития входить в естественные (договорные, «хозяйрасчетные») отношения с другими такими же суверенами. Размер их должен определяться именно возможностью осуществлять полнокровный суверенитет: обозримый для труженика результат его будничных деяний. Этим

единицам, как бы их ни назвать (республики, регионы, земли), подотчетный им центр должен устанавливать лишь общие пропорции, умеренные отчисления в союзный бюджет, в остальном предоставляя простор многообразию трудов и обмена их плодами. Стоит ли вне этого всерьез говорить о действенном «рыночном механизме»?

Следствия этого были бы столь благоприятны, что едва ли стоит заниматься их подсчетом. Конституционная регионализация РСФСР впервые реально разгрузила бы Москву от непосильных тягот управления всеми делами во всех уголках необъятной территории — от Хибин и Смоленска до Тихого океана. Старый демократический лозунг «дешевого правительства» воплотился бы в жизнь. Но, разумеется, всего важнее простекающее отсюда оздоровление национальных взаимоотношений. Преодоление территориальной несоразмерности освободит всех от разорительной опеки, от бюрократического обкрадывания свобод.

И тут, убежден, ключ к решению и «русского вопроса», который нельзя больше стыдливо игнорировать. Именно русские в роли функционеров сталинской нивелировки в наибольшей степени теряли распоряжение собой; это игнорирование подчёркнуто «поглощением» столицей Союза собственной столицы Великороссии... Русский национальный вопрос способен решаться именно тем, что районы с преобладанием русского населения становятся — как и другие — интегратами, странами, очагами распоряжения основными условиями человеческого существования. Тогда люди, здесь живущие, сибиряки ли, ряzańцы или жители Урала — уже не подданные, а хозяева своей земли, своих недр, потомки своих разноязычных, «смешанных» предков.

Я не предрешаю вопроса о контурах, размерах, названиях... Будут ли это Западно- и Восточносибирские республики, либо Дальневосточный, Урало-Волжский регионы? Северо-Российская, Центрально-Российская или Южно-Российская земли?

(«Горизонтальную» суверенизацию можно дополнить и культурно-национальной «вертикалью»: общинами, землячествами, объединениями ревнителей родной старины и т. п.). Я не предрешаю и более радикальных шагов «вертикальной» интеграции: например, пре-

образования нынешнего Совета национальностей в Совет республик и земель (регионов) с расширением постоянных полномочий последнего — от согласования местных программ развития вплоть до права вето на любые акты и действия союзных органов, возвращающих в гиперцентрализацию Москвы.

Все это и другое — предмет дискуссии, как, разумеется, и общие принципы: на договорных началах вновь устанавливаемые основы жизни всего Союза ССР. Тут мы плотную подходим к чему-то типа социалистического «общего рынка», как и социалистического межгосударственного содружества, — и самое слово социализм тогда помянем не всуе.

Ибо социализм естественно многоуладен — понимая под укладами образы жизни, а не только «способы производства». Нормальным для социализма является не то, что он вынужден терпеть что-то из старого, поскольку не может его сразу отсечь и заменить «чистым» собою. Нет, речь, идет и о возрожденном разнообразии, и о возможности возникновения здесь, у нас, протоцивилизаций, еще не имеющих имени, еще ищущих себя и свое место в Мире миров.

...У социализма могут, должны быть разные суверены! Иначе он — не социализм.

* * *

Недавно умер человек, с которым я не был знаком, но кто мне близок и дорог. Его звали Джеймс Болдуин. Американский негр, написанное которым переведено на все языки Мира. Он до иступления отвергал расизм, естественно прежде всего — белый. Но не только белый. Он покинул родину и поселился в Европе, чтобы уберечь себя от опустошения ненавистью. Он повторял: «Боже, спаси Америку!» Не только черную, но и белую. Всю.

Два года назад я бродил по улицам Иркутска, с удивлением замечая множество монголоидных русских лиц. Один человек, не безразличный мне, хотя тоже незнакомый мне лично, человек с монголоидным русским лицом, написал в лучшем, на мой взгляд, своем рассказе: «Господи, поверь в нас: мы одиноки».

Горькие слова. Честные слова. Зовущие к тому, чтобы одолеть одиночество — в собственной его, Валентина Распутина, душе, и в душах всех, кто дома и вне его.

Апрель 1988.

ДИАЛОГ

ВО БЛАГО

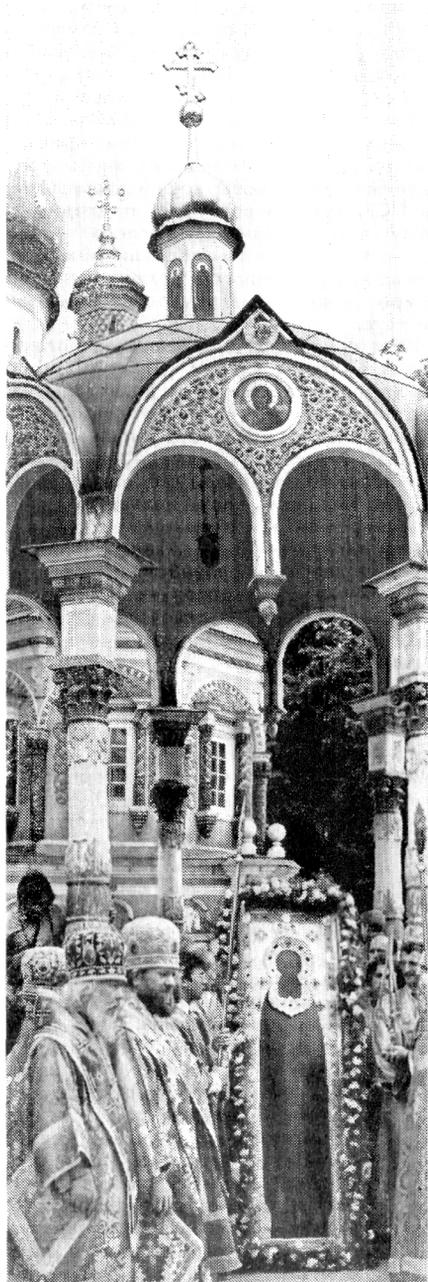
ОТЕЧЕСТВА

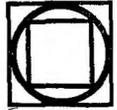

Дмитрий ФУРМАН

Один за другим различные комплексы наших общественных проблем становятся предметом открытого обсуждения — обсуждаются вопросы ценообразования, политики в сфере культуры, правовые вопросы — все что угодно. Но одна важнейшая сфера нашей жизни и связанной с ней комплекс проблем практически не затрагиваются. Эта сфера — деятельность церкви и отношения церкви и государства. И это, безусловно, не случайно.

Религия и церковь у нас так долго были отгорожены от общества и культуры, что для неверующего начать писать о церковных делах значило бы преодолеть незнание иногда самых элементарных фактов, погрузиться в совершенно чуждый и непонятный мир. Верующему же (во всяком случае открыто верующему) высказываться в печати о делах церкви до последнего времени было просто немислимо. Но в этом году ситуация меняется — празднование тысячелетия крещения Руси и наступление нового этапа в развитии

По случаю тысячелетия введения христианства на Руси редакция журнала «Век XX и мир» собрала за «круглый стол» обществоведов и представителей духовенства для беседы на тему: «Церковь и общество — современность и прогноз на будущее».

В обсуждении приняли участие игумен Иннокентий (Павлов), референт отдела внешних церковных сношений Московской патриархии, кандидат богословия; протодиакон Александр Борисов, кандидат биологических наук; диакон Георгий Кочетков; Юрий Прижбиляк, переводчик; Александр Антонов, редактор издательского отдела Рогожской старообрядческой общины; Андрей Бесмертный, искусствовед, сотрудник Всесоюзного НИИ киноискусства; Владимир Махнач, сотрудник музея-заповедника «Абрамцево»; Дмитрий Фурман, доктор исторических наук; Сергей Филатов, кандидат исторических наук.

Следует отметить, что дискуссионный клуб «Мир и права человека» при Советском комитете защиты мира также посвятил одно из своих заседаний вопросу «О свободе совести» с участием ученых, представителей духовенства и широкой общественности.

гласности нашего общества совпали во времени, и надо думать, что в ходе разнообразных встреч и дискуссий этого года существующий между церковью и неверующими барьер будет сломан (или хотя бы в нем наметятся трещины). Мы пригласили ряд представителей духовенства и активных мирян, в том числе и представителей старообрядческой церкви, для обсуждения этих вопросов.

Игумен ИННОКЕНТИЙ (ПАВЛОВ)

Наш разговор происходит в преддверии двух знаменательных для церкви событий: празднования 1000-летия принятия христианства на Руси как государственной религии и ожидаемой реформы законодательства о культах. Разговор, таким образом, пойдет о том, каковы были, каковы сейчас есть и какими могут стать отношения церкви с государством и обществом.

В обыденном сознании существует неверное представление, что в 988-1917 годах отношения между церковью и государством принципиально не менялись. В действительности они качественно

различались в разные исторические периоды. Церковь домонгольского периода, обладавшая широкой судебной властью, находилась, например, совсем в ином положении, чем церковь Московского государства, когда резко усилилось влияние самодержавной власти и на само церковное управление. Наконец, при Петре I церковное управление приобретает совершенно новые формы, не соответствующие каноническим установлениям.

В церкви существовало недовольство послепетровской системой церковно-государственных отношений, и постепенно в церковном сознании крепла мысль о том, что положение церкви должно строиться на традиционных для нее началах — так, чтобы в своей внутренней жизни она пользовалась автономией. Эта идея осуществилась на Поместном соборе 1917—1918 годов восстановлением патриаршества и соборных начал церковного управления.

Деятельность собора совпала по времени с Октябрьской революцией и принятием ленинского Декрета об отделе-

нии церкви от государства и школы от церкви. И надо сказать, что если освождение от вмешательства государства во внутреннюю жизнь церкви соответствовало ее чаяниям, то отделение церкви от государства в тех формах, в каких оно произошло в 1918 году — при полной национализации церковного имущества и утрате церковью прав юридического лица — было неожиданным для церковного сознания и вызвало резко отрицательную реакцию собора. Соборное определение «О правовом положении Православной Церкви в Российском государстве», принятое в декабре 1917 года подчеркивало, что будучи великой святыней русского народа, веками созидавшей русскую государственность, Русская Православная Церковь, оставляя за собой право внутреннего самоуправления, свободу учительной и экономической деятельности, сохраняет первенствующее положение среди церквей и исповеданий, признаваемых государством, и именно к ней последнее при необходимости призвано обращаться.

Однако прошло немного времени и мыслящие слои церковной общественности убедились в том, что социалистические преобразования приняты в стране наступательный и необратимый характер. Патриарх Тихон и его сподвижники стали искать *modus vivendi* для Русской церкви в Советском государстве уже исходя из положений ленинского декрета.

Правда, дальнейшие исторические условия были неблагоприятными для его выработки. Старшее поколение наших соотечественников помнит, что антирелигиозная кампания, охватившая страну в два послереволюционных десятилетия, сводилась не только к диспутам (кстати, прекратившимся к концу 20-х годов) и кошутственным выступлениям агитбригад. Принципиальная оценка как отступлением от положений Декрета 1918 года, так и необоснованным репрессиям в отношении духовенства и активных мирян, имевшим место в 20—30 годы, была дана в январе на страницах «Известий» председателем Совета по делам религий при Совете Министров СССР К. М. Харчевым.

Новый период в отечественной новейшей церковной истории, как известно,

наступил во время Великой Отечественной войны, когда Русская церковь (как и другие религиозные объединения в СССР) получила возможность восстановить свои организационные структуры, что привело к значительной активизации религиозной жизни в стране.

Однако, в основе церковно-государственных отношений по-прежнему лежало законодательство о культах 1929 года, созданное в период, когда был взят курс на ликвидацию религии. События конца 50-х — начала 60-х годов, в свою очередь, показали, что и оно на практике может не соблюдаться — Русская церковь потеряла тогда большинство своих монастырей и значительную часть храмов.

Касааясь современного состояния церковно-государственных отношений, нельзя сказать, что они целиком беспроблемны. Однако, тот факт, что сейчас мы можем их открыто обсуждать, является залогом того, что свобода совести в нашей стране обретет всесторонние гарантии.

Александр АНТОНОВ

У нас, старообрядцев, принцип отделения церкви от государства вызывает иные, чем у православных, эмоции. Для нас отделение церкви от государства — великое благо, единственная возможность жить нормально. Старообрядцы за 200 лет до XX века почувствовали дыхание тоталитарной современности. Мы — коренные русские люди, исповедовавшие традиционную веру предков, и за это-то с XVII века нас преследовали.

Как заметил Д. С. Лихачев в интервью «Огоньку» (№ 10, 1988), в великом акте принятия христианства, его превращения в государственную религию была заложена и большая опасность — так часто бывает, что чем больше благо, тем больше и опасность. Очень часто правотверная любовь власти к своей идеологии оказывается губительной для самой этой идеологии. Взять желавших быть благочестивыми царей — раннего Ивана Грозного, Алексея Михайловича (по восемь часов на службах стоял, лучше попов богослужение знал), Николая I, Николая II, они ведь своими любящими объятиями буквально душили само православие. К каким срывам,

к каким крахам они приводили свою церковь!

Вот К. П. Победоносцев, обер-прокурор Синода, не какой-нибудь аморальный тип, его не подкупишь, ночами не спал — о церкви, о русском народе радел. А сколько вреда православию принес! Совсем его засушил, в бюрократический придаток царской власти превратил. Государственными объятиями свою православную веру задушил. Для всех этих субъективно верующих людей важнее была не экономика, не земное устройство страны, а принципы. Что для Николая I промышленность у старообрядцев разорить — главное, подавить инакомыслие. И давили. Благочестивым насилием фактически насаждали лицемерие, фальшь. Дух ведь творит свободно, он не выносит над собой насилия. Что Николай I, что Сталин своими принципами губили не только чуждую для себя идеологию, но и ту, к которой принадлежали. Идея свободы совести буквально выстрадана русским народом.

Диакон ГЕОРГИЙ КОЧЕТКОВ

По моему мнению (и отнодь не только моему, хотя в церкви есть и другие позиции по этому вопросу), справедливость принципа отделения церкви от государства вытекает из самой сущности христианского учения. «Христианское государство» невозможно, ибо государство обязательно включает в себя аппарат насилия, а никакое насилие в христианстве не может быть до конца оправданным. Как же, с точки зрения христианства, должно пониматься государство, и как, с точки зрения такого государства, должна пониматься церковь?

С точки зрения христианства государство — это социальный институт, существующий, прежде всего, для создания и охраны общественного порядка, в том числе нравственного (в ту меру, в какую нравственные законы могут считаться общечеловеческими и общеобязательными), для защиты страны от врагов, для помощи в организации внешней, в том числе экономической, жизни всех граждан, независимо от того, к какой они вере, идеологии, культуре принадлежат, и т. д. Из этого следует, что государство в принципе не должно

вмешиваться в духовную жизнь граждан.

Что же такое церковь? Это сложное понятие, даже если мы перестанем его употреблять в смысле обозначения храма, то есть культового здания. И тогда нам все равно придется различать Церковь с большой буквы и церковь с малой буквы. Первое понятие обозначает мистическое Тело Христово, живое, напоенное Духом Святым и соединяющее человека, полного члена такой Церкви, с Богом, как сына с Отцом, а всех таких людей друг с другом, как братьев

Второе же обозначает систему социальных учреждений, институций должностных лиц, имеющих просто человеческое — юридическое или каноническое происхождение и значение. Этой церкви свойственна историческая, культурная, социальная и прочая ограниченность. Государство может иметь отношение только к нею, а не с Церковью с большой буквы.

Эти отношения могут и должны быть равными и взаимоуважительными, ведь с точки зрения по-христиански понятого государства, церковь есть добровольное общество, и, как и само государство, одна из общественных институций.

К сожалению, у нас часто путают государство и общество, а поэтому и отделение церкви от государства понимают как ограждение общества от всякого влияния церкви, что проникло в основы еще действующего в нашей стране законодательства о культах. Но церковь — неотъемлемая часть нашего общества, и оградить их друг от друга невозможно!

Церковь и государство могут и должны сотрудничать и помогать друг другу — прежде всего в сфере нравственности и милосердия, в заботе о человеке. Их отношения должны строиться на прочной правовой основе на принципах демократии и гласности. В нынешнем своем положении церковь едва ли способна служить обществу в полную силу. Что же нужно для этого изменить?

Церковь должна иметь возможность свободно собирать свои собрания, самостоятельно определяя повестку дня, на всех уровнях, начиная с приходов до

всероссийских поместных соборов. Не должно быть вмешательства государственных органов в назначение священников и определение состава церковного совета, который должен выбираться приходом. Главой прихода должен, согласно церковному канону, быть настоятель. Церковь должна свободно организовывать свою жизнь, открывать общины, епархии, монастыри, библиотеки, богословские учебные заведения и другие учреждения и организации — детские, молодежные, женские, благотворительные, научные, экуменические и т. д., необходимые ей для исполнения своей миссии. Ей должен быть предоставлен свободный доступ в больницы, тюрьмы, дома престарелых. Церковь должна иметь возможность распространять информацию. Наконец, она должна иметь материальную базу для осуществления своей деятельности: то есть должна иметь возможности для строительства, ремонта и реставрации церковных зданий, иметь типографии и т. д. Старые пустующие здания храмов должны в первую очередь быть предложены для церковных нужд.

Юрий ПРИЖБИЯК

В декрете 1918 года говорится, что «граждане могут обучать и обучаться религии частным образом». Декрет ВЦИК от 13 июня 1921 года дает религиозным группам право использовать предоставленные им здания для «небогослужебных целей, как то: публичных собраний, митингов, концертов, бесед, дискуссий, преподавания каких-либо предметов, устройства курсов, лекций и т. п.

Но очень скоро все это начинает выглядеть фантастикой, ибо уже в апреле 1929 года ВЦИК вместе с СНК РСФСР постановляют, что религиозным объединениям воспрещается не только «создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения», «оказывать материальную поддержку своим членам», но также «организовывать как специально детские, юношеские, женские молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, по обучению религии и т. п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки,

открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь».

В этом же постановлении выясняется, что в «молитвенных зданиях и помещениях могут храниться только книги, необходимые для отправления данного культа». Само слово «отправление» красноречиво характеризует отношение составителей постановления к религии вообще и к культу в частности. Ясно, что этот документ составлен без какой-либо консультации с верующими — как не консультируются с уголовниками, когда составляют уголовное законодательство.

Сейчас при разработке нового законодательства особенно важно учесть начальный опыт прошлого: верующие должны участвовать в выработке законов, их непосредственно касающихся, и в контроле за их выполнением.

Андрей БЕССМЕРТНЫЙ

Ненормальность в отношениях церкви и государства у нас идет не от декрета 1918 года. Этот документ был весьма радикален; но резкость и решительность свойственны любой великой революции, и история, несомненно, сгладила бы со временем излишнюю резкость. Однако ленинский декрет был в 1929 году по сути дела заменен беспрецедентно дискриминационным сталинским постановлением «О религиозных объединениях», действующим и в наши дни

В 20—30-е годы Русская церковь являлась церковью мучеников. Сталин и его окружение проводят систематический репрессив духовенства и активных мирян. Для иллюстрации стоит привести хотя бы такой факт: к 1939 году на своих кафедрах оставалось всего четыре архиерея; в ссылке на Крайнем Севере скончал свои дни патриарший местоблюститель (после смерти патриарха Тихона в 1925 году сталинская администрация почти двадцать лет не разрешала избрать нового патриарха) митрополит Крутицкий Петр, в течение десяти лет (1926—1936) лишенный возможности исполнять свои обязанности по церковному управлению.

В разных формах, то затихая, то усиливаясь, то явное, то скрытое атеистическое гонение на церковь (имея в виду

сложившуюся в отношении ее систему ограничений и запретов) продолжалось до последнего времени.

Но когда мы говорим о гонениях на церковь, мне кажется, мы не должны винить в этом атеизм как таковой. Атеизм гуманистический, атеизм философский, атеизм трагический, атеизм жизнеутверждающий, даже атеизм гедонистический — не агрессивны и не бесчеловечны, даже если и включают в себя вызов Богу и церкви и раздражение против Бога и церкви. Не эти виды атеизма, а агрессивный догматический атеизм, своего рода атеистическая квази-религия сталинской эпохи, пережившая сталинское время, был гонителем церкви.

Но чего добился этот атеизм? Разрушив основанные на религии традиционные устои жизни наших народов, он ничего взамен не дал. Возникло лишь громадное падение нравственности, распространение алкоголизма, разрушение семейных уз, невероятные для любой цивилизованной страны количество абортотворцев (шесть с лишним миллионов абортотворцев в 1986 году, или 96 на 1000 женщин чадородного возраста — «Здоровье», 1988, № 1, стр. 6). Это своего рода духовная пустыня. А мы знаем еще из Ветхого Завета: в пустынях поселяются всевозможные злые и вредоносные духи. Такие, как дух нетерпимости, компенсаторного шовинизма, расовой и национальной ненависти, насилия и жестокости.

Ныне вся наша страна переживает период обновления и решительной перестройки бывших «застойных» структур. Отношение к церкви и верующим явно меняется. Начинается диалог верующих и неверующих. Первой честной попыткой такого диалога явилась публикация материалов о состоянии религии в нашей стране, предпринятая журналом «Социологические исследования» (1987, № 4), появились и другие материалы. Но хотя новый духовный климат очень ценен, самое важное все-таки — создать новую правовую основу отношений церкви и государства.

Те, кто требует отменить сталинское законодательство 1929 года, ставящее верующих в положение людей третьего сорта и нарушающее не только все

пункты Всеобщей декларации прав человека и Заключительного акта Хельсинкских соглашений, признаваемых нашей страной, еще недавно привычно зачислялись в разряд «религиозных экстремистов» и «церковных диссидентов». Но сейчас, мне кажется, все понимают, что отмена этого законодательства неизбежна и что «религиозные экстремисты» на самом деле боролись и борются за гласность и перестройку.

Протоиерей Александр БОРИСОВ

У многих людей, не знакомых с жизнью русской православной церкви, существует неверное представление, что раз церковь у нас отделена от государства, значит она самостоятельна. На самом деле, отделение церкви у нас очень своеобразное — отсутствие прав собственности и юридического лица ставит каждую религиозную общину перед необходимостью получать разрешение от местных органов власти и от уполномоченного Совета по делам религий на любое организационное или хозяйственное мероприятие, предпринимаемое общиной, — будь то ремонт храма или строительство сторожки. То же самое относится и к издательской деятельности церкви: любое церковное издание может появиться на свет лишь с разрешения Совета по делам религий.

Эта полная зависимость от государственных органов ведет к тому, что можно назвать застойными явлениями в жизни нашей церкви. Сейчас, конечно, кое-что меняется — ведется подготовительная работа к предстоящему празднованию 1000-летия Крещения Руси, представители церкви стали заметно часто выступать по телевидению, участвовать в важнейших международных встречах. Но в основном — это внешние перемены. Реальная жизнь приходов протекает все в тех же условиях.

Число православных храмов — катастрофически низкое (за исключением западных областей Украины и Белоруссии). Даже в Москве, где население с конца 40-х годов увеличилось втрое и достигло 8 миллионов человек, число храмов осталось прежним — немногим более сорока. В других городах с населением до двух миллионов человек имеется один—два храма (Свердловск, Минск).

В праздничные и воскресные дни тесно-та в храмах такая, что, как говорится, руки не поднять, чтобы перекреститься. Кроме того, хотя нет точных данных, но смею утверждать, что примерно 80 процентов прихожан наших храмов не имеют ни Библий, ни молитвенников. Соответственно, у большинства верующих весьма противоречивые и смутные представления о сущности самого христианства, и основное место в их жизни занимает обряд, нередко понимаемый ими на вполне магическом уровне.

С очень большими трудностями сталкивается церковь и при подготовке кадров духовенства. Надо сказать, что в нашем обществе очень распространено заблуждение относительно уровня образования нашего духовенства. Многие, особенно мало знакомые с реальной жизнью церкви, полагают, что священники необычайно образованные люди, что в семинариях и духовных академиях дается широкое и глубокое образование. На самом деле это далеко не так. Уровень образования в основном невысок из-за устаревших учебников и учебных пособий.

Учебники — это в основном перепечатанные на машинке руководства, составляемые преподавателями семинарий и академий. Уровень их весьма различен, а качество перепечатки крайне низкое; из-за размножения лишь на машинке — большое количество опечаток, ошибок в тексте и т. п.

В целом, во всяком случае по Москве, можно констатировать определенное снижение культурного уровня священнослужителей в настоящее время по сравнению, например, с 50—60-ми годами. В результате большинство нашего духовенства оказывается мало подготовленным к проповеднической деятельности. Многие, чувствуя этот недостаток, проповедают крайне редко или вообще никогда.

Однако это не сказывается отрицательно на посещаемости храмов. Поскольку число последних крайне мало, в большинстве случаев от священника не требуется прилагать каких-либо усилий для привлечения прихожан — их, как говорится, всегда больше чем достаточно. В таких условиях проповедь, духовное руководство, наставление же-

лающих принять крещение становится делом исключительно личного энтузиазма.

Крайне малое число храмов своим следствием имеет малое число священнослужителей. В то же время возрастание интереса к христианству, имевшее место на протяжении последних 25 лет, естественно, вызвало у многих молодых людей желание не просто посещать храмы, но и послужить в церкви в священном сане. Однако священнических вакансий куда меньше, чем число желающих, и заполняются они, во всяком случае в Москве, прежде всего родственниками или ближайшими знакомыми священнослужителей или церковной администрации. Такое положение приводит к усилению «кастовости» духовного сословия, превращению его в некий узкий круг «профессионалов», живущих в рамках особой сословной «церковности», пронизанной не столько духом Евангелия, сколько традиционными обрядами.

Одним из наиболее бросающихся в глаза признаков «застоя» в нашей Церкви является упорное нежелание церковного руководства сделать хоть какие-нибудь шаги в направлении реформы богослужебного языка. Надо отметить, что еще в начале нашего века (1905 год) были высказаны многочисленные пожелания русских архиереев для Предсоборной Комиссии о необходимости реформы литургического языка. Заметим, что такая потребность ощущалась тогда, когда на Руси было множество храмов, церковно-приходских школ и духовных училищ. Что же говорить о нашей современности, когда даже люди с высшим филологическим образованием не в состоянии понять не только со слуха, но и имея перед глазами текст, о чем говорится в апостольском чтении, читаемом почти ежедневно в храмах за водоосвящением? Ни одна из ежедневно посещающих храм церковных бабушек также не в состоянии будет ответить на вопрос, о чем именно говорится в данном отрывке из Священного Писания.

Таким образом, кроме отдельных благочестивых слов, приходящие в храм мало что могут уразуметь из того, что там читается и поется. Все возражения

против даже не перевода на русский, а хотя бы некоторой русификации церковно-славянского языка, сводятся к особой церковности, священности и поэтичности его, в жертву которым приносится всякий смысл, в том числе и здравый.

Игумен ИННОКЕНТИЙ.

Я хотел бы возразить отцу Александру в связи с проблемой кадров служителей Русской церкви. У него она выглядит, как мне представляется, достаточно однобоко. Отъедте на сотню другую километров от Москвы, распросите местных архиереев — многие из них будут вам жаловаться на нехватку священников, диаконов, псаломщиков, регентов. Я уже не говорю о Сибири, Прибалтике, российской глубинке или же некоторых областях Украины и Белоруссии, где кадровая проблема у церкви встает порой довольно остро. Правда, нельзя сказать, что священноначалие не изыскивает возможности к ее решению. Достаточно сказать, что за последние 10 лет наши духовные школы смогли в два с лишним раза увеличить число учащихся. И в связи с этим для меня гораздо актуальнее представляется проблема умелого отбора достойных из приходящих туда абитуриентов.

Что же касается вопроса о богослужбном языке — то, как мне кажется, его актуальность будет все более усиливаться. Однако следует иметь в виду, что консервативная позиция в этом вопросе характерна для многих представителей не только нашего духовенства, но и мирян, причем как раз интеллигентных. Но главное, что создание русского перевода богослужбных текстов, хотя бы для частного употребления — чтобы понимать, что читается и поется в храме, потребует серьезной богословской и научно-филологической работы, к которой давно пора приступить.

Владимир МАХНАЧ

Я думаю, что ни одному исповеданию в России не пришлось пережить то, что выпало на долю православной церкви. Приведу такой факт: последняя мечеть в Казани построена в 1927 году, а в том году развернулось массовое закрытие православных приходов и уже заканчи-

валось массовое закрытие монастырей. Вот у старообрядцев нетронутым сохранили храм на Рогожском кладбище с древним иконостасом, о котором недавно писали в «Московских новостях». Но я думаю, что будь он в православном храме — его бы отобрали. Однако самый большой урон, который понесла наша церковь, заключался, по-моему, в уродливом искажении под влиянием условий, в которых она оказалась, ее внутренней жизни.

Когда церковь провела в 1917—1918 годах Поместный собор, собор этот был безупречно представлен: выборы проводились в три степени, епархию представляла ее епископ, два священника, три мирянина. Выработанный им Приходской устав сделал бы честь современной общественной организации. Во главе церкви рядом с Патриархом и Синодом, был поставлен Высший Церковный Совет, тоже включавший рядовых христиан. Таким образом, церковь продемонстрировала свою способность, освободившись от государственной опеки, выработать очень демократические организационные формы.

Но затем в церкви стала происходить та же тотальная бюрократизация, что и в обществе в целом. Государственная бюрократия предпочитает и церковь видеть бюрократической организацией, «отправляющей религиозный культ», директор которой в силу консерватизма называется «патриарх», зав отделами — «епископами» и т. д. — только организацией приниженной, неполноправной.

Практически в церкви исчезли любые элементы самоуправления мирян. Так, церковный староста, согласно приходскому уставу и советскому закону, избирается общим собранием прихожан демократично, вполне в духе нашей эпохи. Одна беда: много десятилетий никто не слышал о таких собраниях, в силу чего староста назначается банальной бюрократией — и, как правило, не церковной, а государственной.

Александр АНТОНОВ

На слова В. Махнача хочу заметить, что как-то нечестиво хвастать жертвами и кровью, кто больше страдал, кого больше сажали и расстреливали. Старообрядцы, старики на Урале, помнят два

события нашей церковной истории — Никола и коллективизацию, когда приехали машины и забирали всех грамотных людей, и больше их никто не видел. Не каких-то там интеллигентов, флоренских там, епископов, которые мозолили глаза своими знаниями и авторитетом в стране, а просто элементарно пользовавшихся в деревне уважением мужиков.

Существование нашего Покровского собора на Рогожском — просто чудо. Мы, староверы, его отмолдили у Бога. Уже было решение о превращении его в клуб. Ведь закрылись все остальные староверческие церкви в Москве, а перед революцией их было около сорока. И колокольню нашу пытались взорвать. У нас сейчас в России 150 храмов, но нет ни одного монастыря; последний, в Молдавии, был закрыт Никитой Сергеевичем в 1958 году. Раньше основным районом распространения старообрядчества была Сибирь — сейчас у нас там всего два храма.

У нас нет ни одного учебного заведения. Негде готовить регентов, а ведь у нас очень сложное крюковое пение. Церковь из-за ограничений на грани невозможности воспроизводства. У нас ведь сложный византийский литургический «механизм», требующий больших знаний и труда.

Сергей ФИЛАТОВ

Я думаю, что действительно, в трудном положении у нас далеко не только православная церковь. В тридцатые годы у нас была уничтожена русская католическая церковь, упоминание которой звучит сейчас просто анекдотом. А когда униаты на Украине ставят вопрос о признании их гражданских прав в соответствии с советским законодательством, в ответ они получают нелепые аргументы в оправдание репрессий. В течение сорока лет они нелегально существуют. У них есть епископы, сотни священников, два монашеских ордена. Почему бы не оставить их в покое?

Дмитрий ФУРМАН

Сложившиеся сейчас отношения нашего государства и церкви, как мне думается, исторически объяснимы ролью церкви в самодержавной России. Официальный характер церкви, подчиненность церковной иерархии самодержавию, преследования иноверцев и неверующих, жесточайшая духовная цензура — все это не могло не вызвать взрыва яростного массового атеизма — взрыва больших масштабов, чем во Франции в эпоху революции и вообще, очевидно, чем в какой-либо другой стране. Революционное атеистическое гонение на церковь с годами потеряло свою страстность, но как бы окостенело в системе бюрократических ограничений деятельности церкви (вернее церквей и других аналогичных — мусульманских, буддийских, иудейских религиозных объединений). Но одно дело — историческое объяснение генезиса какой-либо ситуации и совсем другое — ее оправдание. Объяснимое — не значит нормальное. Нормальным современное сознание может признать лишь отделение церкви от государства — то отделение, которое формально у нас провозглашено, но которого фактически у нас нет, ибо ситуацию, при которой церковь без разрешения государственных органов не может построить сторожку или покрасить забор, вряд ли можно назвать отделением церкви от государства. Действительное отделение церкви от государства — это не только невозможность для церкви использовать государственную мощь для навязывания людям религии, но и невозможность для государства употреблять свою мощь для отвращения людей от религии, вообще для какого-либо ограничения самостоятельной деятельности церкви. Ясно, что нам до этого еще очень далеко, хотя сейчас, в ходе демократизации (которая, очевидно, не может не затронуть и внутреннюю жизнь церкви) движение «к норме» пошло быстро.

На второй странице обложки: рисунок Виталия ПЕСКОВА

Бюллетень «Век XX и мир» № 7 ежемесячный.

Напечатано в СССР. Ордена Трудового Красного Знамени типография «Известий Советов народных депутатов СССР». Москва. Заказ 1683.

ПОДПИСКА — КРУГЛЫЙ ГОД

До первого числа предподписного месяца

Вы можете подписаться на

«Век XX и мир»

Подписку принимают без ограничений

повсеместно на любой срок

агентства «Союзпечати»,

почтамты и отделения связи.

Наш индекс — 70188

БЮЛЛЕТЕНЬ
ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
СОВЕТСКОГО ФОНДА МИРА

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

■ DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN ■

■ LE XX^È SIECLE ET LA PAIX ■

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

